

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
Юридический институт
Студенческое научное объединение

СЫКТЫВКАРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
имени Питирима Сорокина

**ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС РАБОТ
СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
ПО ВОПРОСАМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

(Сыктывкар, сентябрь–ноябрь 2022 года)

Сборник материалов

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2022

УДК 347.77
ББК 67.404.3
В85

Мероприятие проведено в рамках реализации в форме субсидий из федерального бюджета образовательным организациям высшего образования на реализацию мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных сообществ (Соглашение о предоставлении из федерального бюджета грантов в форме субсидий в соответствии с пунктом 4 статьи 78.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации от 1 июня 2022 г. №075-15-2022-1070 – Молодежный проект «Наука молодых – устойчивое развитие Республики Коми»)

Ответственный редактор

Осипова Людмила Валентиновна, канд. юрид. наук,
доцент юридического института

Редакционная коллегия

Рочева Ксения Дмитриевна, обучающаяся группы 1031п-АФо института
иностранных языков, председатель СНО института иностранных языков

Всероссийский конкурс работ студентов, аспирантов, преподавателей по вопросам интеллектуальной собственности (Сыктывкар, сентябрь–ноябрь 2022 года) : сборник материалов / отв. ред. Л. В. Осипова. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. – 82 с.

ISBN 978-5-87661-777-4

В сборник вошли материалы Всероссийского конкурса работ студентов, аспирантов, преподавателей по вопросам интеллектуальной собственности. Тематика статей охватывает актуальные вопросы правовой защиты авторских прав, а также правовую оценку внедрения искусственного интеллекта в сферу интеллектуальной собственности.

Сборник адресован студентам, аспирантам, преподавателям, а также всем интересующимся вопросами развития студенческой науки.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций, а также научные руководители. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

УДК 347.77
ББК 67.404.3

ISBN 978-5-87661-777-4

© ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»,
2022

Содержание

<i>Поздеева Н. Ю., Габова А. В.</i> ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ В ИНТЕРНЕТЕ	4
<i>Загурдаева В. В.</i> АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ВЗЫСКАНИЯ СУДАМИ КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК	13
<i>Кочеткова А. И.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ В СВЯЗИ С АНТИМОНОПОЛЬНЫМ ИММУНИТЕТОМ ДЛЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	27
<i>Третьякова А. С., Тарасова В. О.</i> ЗАЩИТА ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	52
<i>Орлова Т. Е.</i> АВТОРСКОЕ ПРАВО НА РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	69

ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ В ИНТЕРНЕТЕ

*Н. Ю. Поздеева, А. В. Габова¹,
обучающиеся группы 641а-ЮРо
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар*

***Аннотация.** За последние несколько лет большую часть своего времени люди проводят в сети Интернет, которая не регулируется современным законодательством. Таким образом, правовое поле сети Интернет стало одной из актуальнейших проблем современной законодательной практики. В данной работе рассматриваются главные современные проблемы защиты авторского права в сети Интернет и пути решения данных проблем.*

***Ключевые слова:** авторские права, сеть Интернет, современное законодательство, проблемы защиты авторского права*

Отношения, связанные с защитой и охраной собственности, были актуальны всегда на протяжении всей истории развития человечества, на любом этапе формирования государственности. Однако в настоящее время с развитием технологий в правовом поле появился принципиально новый вид собственности – интеллектуальная собственность, возникающая в сети Интернет.

Информационно-телекоммуникационные сети, в частности Интернет, имеют широкое применение во многих сферах жизни современного общества. На сегодняшний день Интернет является обширным пространством как для обмена информацией, поиска нужных материалов и личностных коммуникаций, так и для интеллектуального творчества. Доступность получения, копирования и передачи данных, а также анонимность операций, производимых в глобальной информационной Сети, часто ставит по угрозу соблюдение прав авторов.

Социальная опасность нарушения авторских прав в сети Интернет заключается как в причинении имущественного и неимущественного вреда названным правообладателям, так в посягательстве на их свободу творчества, которая гарантирована Конституцией Российской Федерации.

Основа проблематики в данной сфере просматривается в том, что защита авторских прав во времена активного развития цифровых технологий осложнена потребностью в производстве быстрой информации, которую

¹ *Научный руководитель – Л. В. Осипова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.*

сложно удовлетворить законными способами ввиду дороговизны объектов авторского плава или их недоступности. Именно отсюда берут свое начало систематические нарушения авторских прав в цифровой среде – пользователи ограничены в использовании продуктами чужой интеллектуальной деятельности, следование жесткому законодательству в данном случае лишает пользователя возможности без ограничений и по своему усмотрению проводить свой досуг: прослушивать музыку, смотреть фильмы и т. д.

Кроме того, в настоящее время количество россиян, активно использующих Интернет, по данным Российской ассоциации электронных коммуникаций, составляет 78,1 % населения страны (*Статистические данные Российской ассоциации электронных коммуникаций*). Большое количество пользователей порождает уязвимость, а отсутствие должного правового регулирования со стороны законодателя влечет угрозу нарушения интеллектуальных прав (что уже является распространенной ситуацией, исходя из количества судебных разбирательств в этой сфере) (*Судебный департамент: данные судебной статистики*). Совокупность названных факторов диктует необходимость активной работы научного сообщества, органов судейского сообщества, законотворческой работы и законодательных инициатив со стороны органов государственной власти, гражданского общества.

Именно по этой причине правовая охрана в сфере интеллектуальной собственности закреплена в статье 44 Конституции Российской Федерации.

Авторские права полно регламентируются частью четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации от 18.12.2006 года № 230-ФЗ (далее – ГК РФ). Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 1255 ГК РФ авторскими правами являются «интеллектуальные права на произведение науки, литературы и искусства». Авторское право представляет собой комплекс прав, которые возникают у автора произведения литературы, науки или искусства в результате его интеллектуальной или творческой деятельности, а также и у иных лиц при их совместной работе, которые считаются соавторами данного произведения.

Свободный доступ в сеть Интернет, однако, не предполагает всеобщей дозволенности, и при размещении интеллектуальной собственности в Интернете каждый автор может претендовать на их должную защиту в соответствии с нормами, установленными российским законодательством. В случае, если при размещении работы автором не было указано, что можно свободно использовать данную работу, значит, такое разрешение отсутствует, и при нарушении подлежит защите право автора на неприкосновен-

ность произведения и защиту произведения от искажения, предусмотренные нормами гражданского законодательства (ст. 1266 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Последние годы свидетельствуют, что владельцы интеллектуальной собственности стали понимать необходимость защиты своих прав и активно включились в этот процесс, в том числе путем предъявления в арбитражные суды соответствующих исков.

С появлением сети Интернет человечество шагнуло далеко вперед. Однако у всего есть обратная сторона: с развитием Сети присвоение чужих работ стало значительно более распространенным. Выявился и ряд других проблем.

Во-первых, основная проблема в реализации авторских прав заключается не в наличии самой сети Интернет, а в недобросовестном использовании информации гражданами. Только сами граждане – активные пользователи Интернета порождают правоотношения между собой относительно информации, содержащейся в Сети. Вопросы чести и добросовестного использования информации остаются прерогативой человека.

Также стоит отметить особенности менталитета жителей нашей страны. В России граждане в основном осознают ущерб, который они причиняют другим людям вследствие таких преступлений, как кража, грабеж и т. д. – в отличие от правонарушений в сети Интернет. Особенно опасна деятельность программистов, умышленно взламывающих системы безопасности компьютеров. В результате их противоправная деятельность причиняет существенные убытки гражданам и государству. Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу о том, что в информационной сети Интернет возникает большое количество проблем, связанных с осуществлением авторских прав.

Во-вторых, проблема также заключается в непонимании значения, а в некоторых случаях в обесценивании института авторского права среди других отраслей. Общеизвестными в Российской Федерации являются такие отрасли права, как гражданское право, трудовое право, уголовное право. Лица, не имеющие юридического образования, так или иначе знают о существовании Уголовного кодекса РФ, Гражданского кодекса РФ и т.п. Ввиду относительно недавнего появления части четвертой Гражданского Кодекса РФ, посвященной урегулированию отношений в сфере результатов интеллектуальной деятельности, немалая часть граждан зачастую просто не знает о существовании института авторского права.

В-третьих, своеобразной проблемой выступает недостаточная защищенность некоторых сайтов в сети Интернет, содержащих результаты интеллектуальной деятельности, в частности объектов авторских прав. Люди, обладающие специальными познаниями в информационной сфере, могут с легкостью получить доступ к различным сайтам и воспользоваться информацией в своих целях либо разместить в других интернет-источниках полученную информацию. Следует отметить также ненадежность интернет-сайтов. В большинстве случаев доступной для других лиц становится менее защищенная информация.

В-четвертых, существует также проблема того, что любая информация может быстро распространиться по всей сети Интернет. Так, покупая продукт творчества (например, учебник), человек может поделиться им либо информацией, содержащейся в нем с ограниченным количеством людей. В то же время, покупая электронный учебник, можно распространить его среди неограниченного круга лиц (например, разместить в общем доступе на сайте).

В-пятых, одной из проблем является нарушение прав обладателей результатов интеллектуальной деятельности посредством размещения полученной информации в открытом доступе. В результате происходит бесконечное копирование и переписывание чужих трудов. Поскольку любой труд должен быть оценен, автор размещает информацию за плату. Из-за недобросовестных действий пользователей сети Интернет он не получает денежные средства. Во избежание убытков, которые несет правообладатель, необходимо выявить правонарушителей и удалить данный контент, что практически невозможно.

Российский законодатель и отечественные ученые ищут пути решения проблем, связанных с нарушением авторских прав в сети Интернет. В качестве возможности охраны интеллектуальной собственности в сети Интернет выступают такие средства, как знак копирайта, водяные знаки, ЭЦП (электронно-цифровые подписи), специальное программное обеспечение, которое позволяет прикрепить к файлу информацию об авторе.

Исходя из существующих видов охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, перечисленных в статье 1225 ГК РФ, защиту интеллектуальной собственности в сети Интернет следует классифицировать по следующим направлениям:

1) защита прав на текстовое содержание (текстовую наполняемость) Интернет-сайта выступает как объект авторского права на литературное произведение;

2) защита прав на графические элементы, или дизайн веб-сайта, выступает как объект авторского права на графическое произведение;

3) защита прав на доменное имя выступает как аналог объекта права на торговую марку либо фирменное наименование;

4) защита прав на сайт как программное обеспечение в целом выступает в качестве объекта авторского права на программу ЭВМ.

Согласно нормам гражданского законодательства, автору не требуется осуществлять дополнительных действий для подтверждения и начала действия авторского права. Вместе с тем К. А. Петров выделяет следующие способы подтверждения авторских прав:

1) свидетельство регистрации авторского права, полученное через Федеральную службу по интеллектуальной собственности (Роспатент);

2) депонирование (так называемый «процесс организованного хранения») с выдачей подтверждающего свидетельства. Рекомендуется проведение данной процедуры до публикации материала на веб-сайте, что позволит избежать незаконного копирования и, следовательно, нарушения авторских прав на интеллектуальную собственность. В Российской Федерации подобную деятельность осуществляется Российским Авторским Обществом;

3) нотариальное удостоверение размещения текста, опубликованного в сети Интернет с составлением соответствующего протокола.

Также ученые, в частности К. И. Шафоростова, классифицируют способы защиты домена от посягательств на юридические и технические. В качестве юридического способа защиты следует назвать регистрацию товарного знака либо регистрацию юридического лица с наименованием, которое аналогично доменному имени. Регистрация товарного знака подразумевает:

- регистрацию в специализированном государственном органе;
- международную регистрацию, которую возможно осуществить в соответствии с Мадридским соглашением о международной регистрации знаков от 14 апреля 1891 года;
- осуществление европейской регистрации;
- распространение действия товарного знака на определенное государство.

Существуют две разновидности форм защиты рассматриваемых прав, которые применяются в информационной среде – юрисдикционная (обеспечивается посредством применения способов защиты, предусмотренных гражданским законодательством) и неюрисдикционная.

Неюрисдикционная форма защиты осуществляется посредством действий граждан или организаций в целях защиты своих прав и охраняемых

законом интересов по отношению к объектам авторского права, совершаемых ими самостоятельно, то есть без обращения в государственные и иные компетентные органы. В основном неюрисдикционные меры защиты сводятся к возможности отказаться «совершать определённые действия в интересах неисправного контрагента».

Преимущественным способом защиты интеллектуальной собственности в сети Интернет выступает судебный способ защиты. Судебными органами, осуществляющими защиту авторских прав, являются преимущественно арбитражные суды, в частности специализированный суд – Суд по интеллектуальным правам, однако следует отметить, что и в компетенцию судов общей юрисдикции входят полномочия по рассмотрению дел, связанных с защитой интеллектуальной собственности, в том числе в сети Интернет.

Важной проблемой судебной формы защиты интеллектуальной собственности в сети Интернет выступает возможность привлечения в качестве участника судебного разбирательства хостинг-провайдеров – лиц, выступающих в качестве операторов связи. Следует отметить, что их привлечение в судебное разбирательство законодательно закреплено не было, однако свою роль сыграла судебная практика. Суть указанных дел состояла в решении вопроса о привлечении к ответственности за размещение интеллектуальной собственности на Интернет-сайте, в том числе, хостинг-провайдеров. Указанные дела, а также дальнейшая судебная практика демонстрирует, что степень ответственности хостинг-провайдеров определяется исходя из их вовлеченности в процесс нарушения авторских прав, а также качества принимаемых мер по устранению возможных нарушений в данной области.

Необходимо отметить, что данные положения были учтены законодателем путем введения ст. 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, что в том числе является важным достижением российской судебной практики и ее влияния на отечественное законодательство.

Также защита авторских прав в сети Интернет может быть реализована посредством блокирования того сайта, на котором незаконным образом распространяются произведения, находящиеся под защитой авторского права. Приказом № 912 Роскомнадзора от 12.08.2013 установлен комплекс мер, касающийся блокировки сайтов сети Интернет, на которых происходит распространение произведений, защищаемых авторским правом, незаконным образом.

Блокировке сайта должно предшествовать заявление правообладателя о необходимости блокировки сайта, на котором нарушаются его авторские

права. Данное заявление следует подавать на сайте Роскомнадзора в электронной форме. Затем следует проверка оснований информации, сообщенной в заявлении правообладателем – и, если на информационном ресурсе действительно нарушаются авторские права, – данный ресурс заносится в Реестр нарушений авторских прав. После этого Роскомнадзор уведомляет провайдера, который обеспечивает существование сайта, на котором нарушаются авторские права, в сети Интернет. Провайдер же после получения данного уведомления должен сообщить владельцу сайта о необходимости удаления с информационного ресурса незаконно распространяемого контента.

Следует отметить, что одной из наиболее важных проблем применения такого метода защиты авторских прав в сети Интернет, как блокировка доступа к сайту, состоит в том, что такую блокировку весьма просто обойти посредством различного программного обеспечения. Для нейтрализации данной проблемы был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 29.07.2017 № 276-ФЗ, целью принятия которого являлось установление запрета на использование различного рода программного обеспечения для обхода блокировок информационных ресурсов. Тем не менее нельзя сказать, что возможно создание идеального комплекса мер, при опоре на который можно было бы полностью исключить случаи нарушения авторского права в такой сложной системе, как сеть Интернет.

Также следует выделить и рассмотреть ряд наиболее проблематичных аспектов в области защиты авторских прав в сети Интернет. Во-первых, не представляется возможным привлечь к ответственности лицо, разместившее на своем сайте, например, стихотворение, без указания подлинного имени автора, так как достаточно удалить сайт либо изменить имя (ник), чтобы затруднить поиск виновного лица. Следовательно, достаточно создать новый сайт и разместить результат чужой интеллектуальной деятельности, тем самым продолжить нарушать авторское право до тех пор, пока кто-либо не обнаружит нарушение.

Во-вторых, продолжением первой проблематики является «пиратство». Особенно ярко оно проявляется в сфере программного обеспечения, так как во многих, даже самых известных организациях, используются их «пиратские» версии. Однако проблема не только в мошенническом копировании и нарушении прав авторов, но также и в отсутствии правового регулирования, ведь даже при соблюдении авторских прав в науке не решено, где следует

получать согласие правообладателя на распространение программного продукта, где должно выплачиваться авторское вознаграждение – в стране, где находится сервер провайдера, или в стране, где находится покупатель.

Налицо отсутствие правовой базы разрешения вопросов, связанных с реализацией и защитой авторских прав, а не только фактического устранения выявленных нарушений. Вопрос об установлении субъекта гражданского права в информационно-коммуникационных сетях является ключевым.

В законе нет четкого понятия юридического лица как субъекта авторских прав. Обладателем авторских прав юридическое лицо может стать в отношении служебных произведений, когда работодателю принадлежат все имущественные права, указанные в ст. 16 Закона об авторском праве, если в договоре между ним и автором не предусмотрено иное. Для решения проблем защиты авторских прав в сети Интернет законодателю необходимо и дальше совершенствовать законодательство с учетом указанных выше проблем.

Подводя итог, укажем, что на данный период времени в России отсутствует детально регламентированная правовая база, позволяющая должным образом контролировать размещение объектов авторских прав в сети Интернет, своевременно устраняя нарушения таких прав, что становится основанием для разработки действующих правовых механизмов для совершенствования исследуемой сферы. Также современной цивилистике следует подвести процессы, происходящие в информационно-коммуникационных сетях, к понятиям и категориям, используемым в праве, точнее, больше уделить внимания субъектам правоотношений в информационных сетях и объектам авторских прав, чтобы у нарушителей закона не было возможности использовать данные пробелы в праве.

На сегодняшний день продолжается совершенствование системы правовой защиты произведений, охраняемых авторским правом, в сети Интернет. Тем не менее одна из наибольших сложностей такой защиты состоит в том, что технический прогресс происходит быстро, а общение множества пользователей сети Интернет контролировать весьма затруднительно – следствием чего является появление все новых способов обхода блокировок и повсеместное распространение информации о данных способах среди множества пользователей глобальной информационной Сети. По нашему мнению, на сегодняшний день невозможно создать такую систему, которая в полной мере способствовала бы защите авторских прав в сети Интернет – но, тем не менее, необходимо постоянное совершенствование комплекса

мер, нацеленных на защиту авторских прав в глобальной информационной Сети.

По причине отсутствия спецификации и учета объектов авторского права нецелесообразно обращение к защите авторских прав. Законодательство в своем несовершенстве показывает, что отсутствуют как таковые законы, которые могут четко регулировать отношения, связанные с защитой авторского права в цифровой среде.

Вследствие этого отмечается также, что широкая судебная практика по защите авторского права сегодня отсутствует, причиной чего является страх автора акцентировать внимание на проблеме. В целом же следует отметить, что сегодня культура уважительного отношения к продуктам авторского права в цифровой среде только начинает зарождаться, отсюда и несовершенство его защиты.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ // Парламентская газета. 2006. 12 декабря. № 214-215.

3. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федеральный закон от 29.07.2017 № 276-ФЗ // Российская газета. 2017. 04 августа. № 172.

4. О порядке функционирования Информационной системы взаимодействия : приказ Роскомнадзора от 12.08.2013 № 912 (ред. от 11.03.2014) (Зарегистрировано в Минюсте России 26.11.2013 № 30454) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Батоболотова Е. Б., Гнеушева Т. Б. О некоторых проблемах защиты авторских прав в сети Интернет // Право и практика. 2020. № 4. С. 168-171.

6. Бойков В. А. Проблематика защиты авторских прав в сети Интернет // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problematika-zaschityi-avtorskih-prav-v-seti-internet> (дата обращения: 13.11.2022).

7. Бойков В. А. Проблема защиты авторского права в глобальной сети Интернет // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zaschityi-avtorskogo-prava-v-globalnoy-seti-internet> (дата обращения: 13.11.2022).

8. Волкова А. М. Современные проблемы защиты авторского права в сети Интернет // E-Scio. 2020. № 12 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-zaschityi-avtorskogo-prava-v-seti-internet> (дата обращения: 13.11.2022).

9. Исмаилов Руслан А. О. Проблемы защиты авторских прав в цифровой среде // Юридическая наука. 2020. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-zaschityi-avtorskih-prav-v-tsifrovoy-srede> (дата обращения: 13.11.2022).

10. Ивнева Е. В., Кавшбая Л. Л. Защита авторских прав в сети Интернет // ELS. 2022. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-avtorskih-prav-v-seti-internet-2> (дата обращения: 13.11.2022).

11. Кужугет А. О. Проблемы защиты авторских прав в сети Интернет // Вестник магистратуры. 2021. № 2-1 (113). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-zaschity-avtorskih-prav-v-seti-internet-2> (дата обращения: 13.11.2022).

12. Магомедов Р. С. Проблемы защиты авторских прав в сети Интернет // Государственная служба и кадры. 2020. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-zaschity-avtorskih-prav-v-seti-internet-1> (дата обращения: 13.11.2022).

13. Метелицкая Ю. В. Защита авторских прав в информационной среде // Вопросы российской юстиции. 2022. № 19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-avtorskih-prav-v-informatsionnoy-srede> (дата обращения: 13.11.2022).

14. Мирошниченко А. В. Особенности правовой защиты авторских прав в сети "Интернет" // E-Scio. 2021. № 10 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovoy-zaschity-avtorskih-prav-v-seti-internet> (дата обращения: 13.11.2022).

15. Пестрикова И. М. Способы защиты авторских и смежных прав // Вестник науки. 2021. №11 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-zaschity-avtorskih-i-smezhnyh-prav-2> (дата обращения: 13.11.2022).

16. Шафоростова К. И. Защита интеллектуальной собственности в сети Интернет на национальном и международно-правовом уровнях // Концепт. 2019. № 8. С. 221.

АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ВЗЫСКАНИЯ СУДАМИ КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК

В. В. Загурдаева²,

обучающаяся группы 641а-ЮРо

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

***Аннотация.** В статье проводится анализ судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите иностранными компаниями исключительных прав на товарный знак. Также анализируется судебная практика по делам о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак.*

***Ключевые слова:** современное законодательство, проблемы защиты авторского права, анализ судебной практики, споры о защите прав на товарный знак, право на товарный знак, взыскание компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак*

² Научный руководитель – **Л. В. Осипова**, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.

В условиях современного развития информационного общества все больше возрастает экономическое значение результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, в том числе товарных знаков. Несмотря на то что условия правовой охраны товарных знаков регламентированы законодателем, на практике часто возникают проблемы, связанные с восприятием, пониманием, трактовкой условий правовой охраны товарных знаков как лицами, выступающими в качестве правообладателей товарного знака (юридические лица и индивидуальные предприниматели), так и уполномоченными органами власти. Проведение анализа правоприменительной практики взыскания судами компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак необходимо для выявления определенных тенденций, существующих в настоящее время в судебной практике. От знания этих тенденций зависит верный выбор способа защиты прав и, соответственно, положительный исход дела.

Объектом исследования являются общественные отношения в сфере гражданско-правовой защиты исключительных прав на товарный знак.

Предметом исследования являются постановления и решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации (далее – РФ) о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак.

Цель исследования: проанализировать правоприменительную практику взыскания судами компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак.

Задачи исследования: привести понятие товарного знака и способы защиты исключительных прав на товарный знак; проанализировать судебную практику по делам, связанным с разрешением споров о защите иностранными компаниями исключительных прав на товарный знак; изучить судебную практику по делам о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак.

Методологическая основа. Для написания научно-исследовательской работы были применены общенаучные, частнонаучные (специальные) методы. Из общенаучных методов – синтез, анализ, индукция. Из частнонаучных (специальных) методов были использованы формально-юридический, сравнительно-правовой, сравнительного правоведения.

Нормативная правовая основа. При написании научно-исследовательской работы были использованы следующие нормативно-правовые акты: Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020); Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 г. №51-ФЗ.

Теоретическая основа работы. Научно-исследовательская работа базируется на статьях Е. О. Лопуховой, М. А. Мещеряковой, А. В. Таталиной.

Эмпирическая основа работы. При написании курсовой работы были использованы следующие материалы судебной практики: постановления пленумов Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного суда РФ, а также судебная практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

В настоящее время одним из распространенных средств индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей является товарный знак – обозначение, посредством которого потребители отличают товары одного предприятия или предпринимателя от товаров других предприятий или предпринимателей. Товарные знаки призваны не допустить введение в заблуждение потребителей, что, безусловно, способствует осуществлению добросовестной конкуренции.

Правообладателю товарного знака принадлежит исключительное право, которое заключается в возможности по своему усмотрению его использовать любым незапрещенным законом способом, а также разрешать или запрещать другим лицам осуществлять такое использование. В составе исключительного права можно выделить два элемента: право использования и право распоряжения. При этом все другие лица обязаны воздерживаться от использования товарного знака без согласия правообладателя. Использование, которое осуществляется без согласия правообладателя, признается незаконным и влечет различные меры ответственности, в том числе гражданско-правовую ответственность, установленную Гражданским кодексом РФ (далее – ГК РФ) [3].

Неправомерное использование товарного знака нарушителем приводит к появлению упущенной выгоды, поскольку правообладатель не получает тех доходов, которые получил бы при обычных условиях оборота, если бы его право не было нарушено, то есть если бы нарушитель исключительного права заключил с правообладателем (лицензиаром) лицензионный договор и производил по нему оплату, то последний бы получил имущественную выгоду от использования другим лицом товарного знака. При этом немаловажное значение имеет цель использования товарного знака без разрешения правообладателя, поскольку такие действия, как приобретение товара, в котором выражен товарный знак, а равно хранение или перевозка такого товара без цели введения в гражданский оборот на территории РФ, не нарушают исключительное право правообладателя.

Как отмечает исследователь А. В. Таталина, «правообладатели товарных знаков обладают специфическими, не установленными положениями статьи 12 ГК РФ способами защиты гражданских прав, к которым можно отнести такой способ защиты, как возмещение компенсации. Возмещение компенсации как гражданско-правовая мера правового воздействия, появившаяся с 1 января 2015 года, позволяет правообладателю исключительного права добиться наиболее полного восстановления имущественного положения, поскольку правообладателю не требуется доказывать размер и факт наличия у него убытков и он может быть возвращен в то имущественное положение, в котором находился бы, если бы товарный знак использовался правомерно» [26].

Согласно ч. 4 ст. 1515 ГК РФ, правообладатель в случае нарушения его исключительных прав на товарный знак вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации:

1) в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения;

2) в двукратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак, или в двукратном размере стоимости права использования товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака.

Кроме того, немаловажное правовое значение имеют и обстоятельства, связанные с наличием (отсутствием) вины в совершении нарушения исключительного права. По общему правилу нарушитель может быть привлечен к гражданско-правовой ответственности, в том числе и в виде возмещения компенсации при наличии его вины, если иное не предусмотрено ГК РФ. Однако из общего правила имеются исключения, в частности, взыскание компенсации за нарушение интеллектуальных прав, допущенное нарушителем при осуществлении предпринимательской деятельности, возможно и при отсутствии вины. Освобождение от ответственности в этих случаях допускается только при наличии форс-мажорных обстоятельств.

Таким образом, товарный знак – важнейшее средство индивидуализации товаров юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Неправомерное использование товарного знака нарушителем приводит к появлению упущенной выгоды, поскольку правообладатель не получает тех доходов, которые получил бы при обычных условиях оборота, если бы его право не

было нарушено. При нарушении исключительных прав на средства индивидуализации правообладателю доступны установленные ч. 4 ст. 1515, ст. 1252 ГК РФ способы защиты.

В конце февраля – начале марта 2022 года странами Запада были приняты ограничительные (политические и экономические) меры, введенные против РФ. Такая напряженная ситуация на международной арене некоторым образом повлияла и на правоприменительную практику взыскания суммами компенсации за нарушение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Некоторые суды в первой инстанции отказывали истцам – юридическим лицам, зарегистрированным и ведущим деятельность в Соединенных Штатах Америки и других иностранных государствах, во взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на товарные знаки и произведения, истолковав их действия как злоупотребление правом в связи с ограничениями, введенными в отношении РФ, и статусом истца, руководствуясь Указом Президента РФ от 28.02.2022 № 79 [3] (в качестве примера можно привести дело № А84-453/2022 [10], дело № А28-11930/2021 [12]).

Во второй инстанции при рассмотрении дела № А28-11930/2021 [12] исковые требования иностранной компании о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на товарные знаки и произведения были удовлетворены, выводы суда первой инстанции о злоупотреблении истцом своими правами были отклонены как несостоятельные. Суд при этом исходил из следующих фактов. На основании ч. 1 ст. 7 ГК РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются в соответствии с Конституцией РФ составной частью правовой системы РФ. Согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой ГК РФ» [8], Россия входит в число стран участников Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (Постановление Правительства РФ от 03.11.1994 № 1224 о присоединении к данной Конвенции), Всемирной конвенции об авторском праве (заключена в Женеве 06.12.1952, вступила в действие для СССР 27.05.1973), а также Протокола к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков от 28.06.1989 (принят Постановлением Правительства РФ от 19.12.1996 № 1503 «О принятии Протокола к Мадридскому соглашению о международной регистрации знаков»). Страны, по законодательству которых были созданы компании-истцы (Соединенные Штаты Америки и Великобритания), также явля-

ются участниками указанных международных соглашений. Суд апелляционной инстанции резюмировал, что на территории РФ гарантирована равная охрана интеллектуальной собственности как российских, так и иностранных организаций, зарегистрированных на территории любой страны-участницы соглашения. Следовательно, само по себе предъявление иска зарубежной компанией-истцом не может быть признано недобросовестным действием применительно к статье 10 ГК РФ.

В деле № А51-20464/2021 [13] суд апелляционной инстанции отмечает, что для того, чтобы квалифицировать действия истца – иностранной компании как совершенные со злоупотреблением правом, должны быть представлены доказательства того, что сторона имела умысел на реализацию какой-либо противоправной цели; действия истца по защите своих прав не могут являться злоупотреблением правом.

Во многих делах ответчики в обоснование своей позиции ссылались на нормативные акты, принятые в связи с недружественными действиями иностранных государств. Апеллянты опирались на те указы Президента РФ, акты Правительства РФ, которые неприменимы в спорах о защите исключительных прав правообладателей; подобные ссылки судами апелляционной инстанции отклонялись.

К примеру, в деле № А27-10992/2021 [14] суд апелляционной инстанции делает акцент на том, что Указами Президента РФ от 28.02.2022 №79, от 01.03.2022 № 81 [4] не предусмотрено введение мер воздействия, предусматривающих освобождение нарушителей исключительных прав правообладателей из недружественных стран. Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р [6], Постановление Правительства РФ от 06.03.2022 № 293 [5] тоже не распространяют своё действие на споры о защите исключительных прав правообладателей.

Итак, несмотря на некоторые явления напряженной политической и экономической обстановки в мире, суды констатировали, что на территории РФ гарантирована равная охрана интеллектуальной собственности и российских, и иностранных организаций, зарегистрированных на территории страны-участницы международных договоров, соглашений в сфере интеллектуальной собственности. Поэтому действия иностранных компаний по защите своих прав не могут расцениваться как злоупотребление правом. А нормативные акты, принятые в связи с недружественными действиями иностранных государств, не относятся к делам о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на произведения, товарные знаки.

Рассмотрим судебную практику по делам о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак, рассчитанной на основании п. 1 ч. 4 ст. 1515 ГК РФ.

Заявляя требование о взыскании компенсации в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда, истец должен представить обоснование размера взыскиваемой суммы, подтверждающее соразмерность требуемой им суммы компенсации допущенному нарушению, за исключением требования о взыскании компенсации в минимальном размере (п. 61 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой ГК РФ»).

Размер компенсации может быть снижен, но важно иметь в виду, что суд не вправе снижать размер компенсации без мотивированного и обоснованного ходатайства об этом ответчика. Оно может сделано как в письменной, так и в устной форме, но до вынесения решения судом по существу. Сторона, заявившая о необходимости такого снижения, обязана доказать необходимость применения судом такой меры.

Кроме того, при определенных условиях возможно снижение судом размера компенсации ниже низшего предела (десяти тысяч рублей). Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» признал оспоренные положения не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они не позволяют суду в случае такого нарушения прав правообладателя определить общий размер компенсации ниже минимального предела, установленного данными положениями, если размер компенсации, исчисленной по установленным данным законоположениями правилам с учетом возможности ее снижения, многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков, притом что эти убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком. И если при всем этом обстоятельства конкретного дела свидетельствуют о том, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые и что использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубого характера [7].

Таким образом, для снижения суммы компенсации ниже предела, установленного законом, помимо соответствующего заявления необходимо,

чтобы было установлено, что размер подлежащей выплате компенсации, исчисленной по установленным законоположениями правилам даже с учетом возможности ее снижения, многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков (при том, что убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком). Также ответчик должен доказать наличие совокупности обстоятельств, указанных в Постановлении Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П:

1. Факт нарушения исключительных прав впервые. Однократность совершения нарушения подразумевает, что противоправное деяние, в том числе в сфере нарушения интеллектуальных прав, было совершено лицом впервые независимо от конкретных обстоятельств нарушения и лица, чье право было нарушено такими действиями.

2. Использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью деятельности ответчика.

3. Нарушение не имело грубого характера (например, если продавцу не было заведомо известно о контрафактном характере реализуемой им продукции).

В абзаце третьем ч. 3 ст. 1252 ГК РФ установлено, что, если одним действием нарушены права на несколько результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, размер компенсации определяется судом за каждый неправомерно используемый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации. При этом в случае, если права на соответствующие результаты или средства индивидуализации принадлежат одному правообладателю, общий размер компенсации за нарушение прав на них с учетом характера и последствий нарушения может быть снижен судом ниже пределов, установленных ГК РФ, но не может составлять менее пятидесяти процентов суммы минимальных размеров всех компенсаций за допущенные нарушения.

В деле № А28-11930/2021 [15] суд апелляционной инстанции частично удовлетворил апелляционную жалобу и снизил размер компенсации за нарушение исключительных прав на товарные знаки. На основании п. 64 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 №10 «О применении части 4 ГК РФ» положения абзаца третьего ч. 3 ст. 1252 ГК РФ о снижении размера компенсации подлежат применению в случаях, когда одним действием нарушены права на несколько результатов интеллекту-

альной деятельности или средств индивидуализации (то есть при множественности нарушений). Суд установил факт множественности нарушений исключительных прав истца, совершенных одним действием ответчика. Ответчик подал заявление о снижении компенсации за нарушение исключительных прав ниже минимальных пределов санкций статей 1301 и 1515 ГК РФ. Суд учел незначительный объем (1 единица товара) и низкую стоимость реализованного ответчиком товара, отсутствие сведений о понесенных истцом значительных убытков, и, руководствуясь абзацем третьим ч. 3 ст. 1252 ГК РФ, согласился с заявлением ответчика и пришел к выводу об определении размера компенсации за нарушение исключительных прав из расчета по 5 000 рублей за каждый объект интеллектуальной собственности. Оснований для большего снижения спорной суммы компенсации суд не усмотрел, так как ответчик не доказал совокупности обстоятельств, указанных в Постановлении Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П.

В деле № А72-16066/2021 [16] суд апелляционной инстанции счел разумным и справедливым уменьшение взыскиваемой суммы с 60 000 рублей до 30 000 рублей судом первой инстанции, который учел характер допущенного нарушения, разовую реализацию товара в розничной торговле по незначительной стоимости (499 руб.), отсутствие тиражности, допущенное нарушение совершено впервые, отсутствие повторности совершения нарушения исключительных прав истца (продолжения совершения нарушений после привлечения к ответственности).

В п. 21 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2017) [9] сформулирована следующая правовая позиция: сторона, заявившая о необходимости снижения размера компенсации ниже минимального предела, обязана доказать необходимость применения судом такой меры. Снижение размера компенсации ниже минимального предела, установленного законом, с учетом требований разумности и справедливости, должно быть мотивировано судом и подтверждено соответствующими доказательствами.

В деле № А67-988/2022 [17] размер компенсации (18 000,00 рублей за каждый факт нарушения исключительных прав, в общей сумме – 90 000, 00 рублей) был обоснован истцом тем, что его товарный знак является узнаваемым и популярным: истец сослался на статистические данные систем Google Trends и «Яндекс. Подбор слов» и доказал, что его товарный знак является одним из самых запрашиваемых в поисковых системах Google и Яндекс, что свидетельствует о высокой популярности товаров, маркированных его товарным знаком.

Суд данным случае не снизил размер компенсации ниже минимального предела по ряду причин. Суд принял во внимание, что ответчиком не представлены доказательства незначительности имущественных потерь правообладателя, связанных с допущенным нарушением, объективной невозможности выявить возможное нарушение исключительных прав истца до начала реализации продукции, тяжелого финансового положения, либо иных обстоятельств, объективно свидетельствующих об исключительности рассмотренного случая нарушения прав истца. Суд установил, что ответчик уже был привлечен к ответственности за нарушения исключительных прав, что свидетельствует о неоднократном и систематическом нарушении интеллектуальных прав правообладателя. Кроме того, судом учтено, что ответчик занимается на профессиональной основе торговлей товарами, о противоправности своего поведения ответчик был осведомлен, реализация контрафактных товаров является грубым нарушением прав правообладателя. Суд пришел к выводу о том, что требование истца о взыскании компенсации в размере 90 000,00 рублей является обоснованным и подлежит удовлетворению в заявленном размере.

Е. О. Лопухова, помощник судьи Арбитражного суда Приморского края, отмечает, что «увеличение количества арбитражных споров, связанных с защитой исключительного права на товарный знак в виде взыскания компенсации, в настоящий момент в большинстве своем обусловлено такой целью правообладателя как извлечение «прибыли», что не соответствует истинной цели института восстановления нарушенного права, в связи с чем судебная практика в настоящий момент, в том числе с учетом разъяснений судов вышестоящих инстанций о единстве намерений правонарушителя, идет по пути применения института снижения заявленной ко взысканию компенсации при наличии ходатайства ответчика в случаях его обоснованности (в том числе «ниже низшего» предела) с целью пресечения злоупотребления правом со стороны правообладателей товарных знаков и стимулированию к добросовестному их использованию и защите» [24].

Исследователь М. А. Мещерякова, анализируя судебную практику по делам о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак, приходит к следующему выводу: несмотря на достаточно сложный предмет доказывания, количество дел, в которых ответчикам удалось добиться снижения компенсации ниже низшего предела, достаточно велико. Автор констатирует, что «в настоящее время позиция ответчика относительно необходимости снижения размера компенсации имеет больше

шансов быть услышанной судом по сравнению с позицией истца, касающейся отсутствия оснований для такого снижения. Возможность взыскания значительных сумм компенсации имеется преимущественно у истцов, чьи права нарушаются в виде прямого умысла и в промышленных масштабах, во всех остальных случаях имеется высокая вероятность снижения истребуемой суммы, причем довольно часто до абсурдно низких пределов» [25].

Рассмотрим судебную практику по делам о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак, рассчитанной на основании п. 2 ч. 4 ст. 1515 ГК РФ.

Заявляя требование о взыскании компенсации в двукратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак, размер компенсации зависит от цены самих товаров, на которых незаконно размещен товарный знак.

Например, в деле № А32-39951/2014 [18], ответчиком по которому был производитель алкогольной продукции, в основу решения положено письмо Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка о количестве произведенного товара за спорный период; с ответчика взыскано 9 278 000 рублей компенсации.

В деле № А45-9331/2016 [19] суд исходил из предложения к продаже, содержащегося на сайте ответчика, в котором было указано точное количество имеющегося у него контрафакта. С ответчика взыскано 4 912 600 рублей.

В деле № А60-62114/2015 [20] с ответчиков взыскано 10 200 000 и 10 300 000 рублей, точное количество контрафакта установлено в рамках оперативных мероприятий правоохранительных органов.

Таким образом, мы приходим к выводу, что, несмотря на сложный предмет доказывания, истцам удавалось взыскать с ответчика компенсации в достаточном крупном размере.

Заявляя требование о взыскании компенсации в двукратном размере стоимости права использования товарного знака, размер компенсации зависит от цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака. При этом расчет суммы компенсации должен был быть проверен судом на основании данных о стоимости права правомерного использования товарного знака тем же способом, который использовал нарушитель, и в период, соотносимый с моментом правонарушения. При данном способе расчета истец (правообладатель) должен обосновать размер взыскиваемой компенсации исходя из цены лицензион-

ного договора, по которому лицензиар предоставляет лицензиату право использования товарного знака в определенных договором пределах в отношении тех товаров, для которых зарегистрирован товарный знак.

Учитывая, что формула расчета размера компенсации, определяемого исходя из двукратной стоимости права использования товарного знака, императивно определена законом, ответчик вправе не соглашаться с ценой, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование права, и представлять соответствующие доказательства, обосновывающие иной размер стоимости этого права. При определении стоимости права использования товарного знака необходимо учитывать способ его использования нарушителем, в связи с чем за основу расчета размера компенсации должна быть взята только стоимость права за аналогичный способ использования.

Размеры взысканных компенсаций такого вида (в двукратном размере стоимости права использования товарного знака), как правило, не превышают 200 000–300 000 рублей (например, в деле № А57-15969/2018 с ответчика было взыскано 180 000 рублей компенсации [21], в деле № А12-25758/2019 – 200 000 рублей [22]). Вместе с тем любое правило имеет исключения (так, по делу № А60-189/2018 суд взыскал с ответчика 4 866 030 рублей [23]).

В п. 35 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, отмечено, что при определении размера подлежащей взысканию компенсации суд не вправе по своей инициативе изменять вид компенсации, избранный правообладателем [9].

Исходя из судебной практики, можно сказать, что многие правообладатели при заявлении исковых требований о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак требуют взыскать компенсацию в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей.

Представляется наиболее целесообразным при заявлении исковых требований о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак производить расчет именно исходя из двукратного размера стоимости права правомерного использования товарного знака, ведь правообладателю товарного знака доказать стоимость товаров, на которых незаконно размещен товарный знак, затруднительно. В отличие от способа расчета компенсации в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, данный способ расчета позволит определить разумный и справедливый размер компенсации, а также не допустить ни необоснованное снижение судом требуемого истцом размера компенсации, ни неосновательную выгоду

нарушителя исключительных прав на товарный знак, права на который принадлежат правообладателю.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 04 июля.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. №51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций : указ Президента Российской Федерации от 28.02.2022 № 79 // Собр. законодательства РФ. 2022. № 10. Ст. 1465.

4. О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 01.03.2022 № 81 // Собр. законодательства РФ. 2022. № 10. Ст. 1466.

5. Об утверждении Правил выдачи Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации разрешений на осуществление (исполнение) резидентами сделок (операций) с иностранными лицами в целях реализации дополнительных временных мер экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации и внесении изменения в Положение о Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 06.03.2022 № 295 // Собр. законодательства РФ. 2022. № 11. Ст. 1689.

6. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц : распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р // Собр. законодательства РФ. 2022. № 11. Ст. 1748.

7. По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК РФ в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.12.2016 № 28-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208711/ (дата обращения: 19.10.2022).

8. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.04.2019 № 10. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 17.10.2022).

9. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утв. Президиумом Верховного суда РФ 23.09.2015. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_186586/ (дата обращения: 26.10.2022).

10. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 3 (2017), утв. Президиумом Верховного суда РФ 12.07.2017. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219925/ (дата обращения: 22.10.2022).

11. Решение Арбитражного суда города Севастополя от 13.04.2022 по делу № А84-453/2022. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418260/30f28a6e94ef313cd1cb965b2fec7d3a142d5edd/ (дата обращения: 10.10.2022).

12. Решение Арбитражного суда Кировской области от 03.03.2022 по делу № А28-11930/2021. URL: <https://www.consultant.ru/online/lastdocs/RAPS001/> (дата обращения: 11.10.2022).

13. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 27.06.2022 N 02АП-2571/2022 по делу № А28-11930/2021. URL: <https://www.consultant.ru/online/lastdocs/RAPS001/> (дата обращения: 11.10.2022).

14. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 01.04.2022 N 05АП-1199/2022 по делу № А51-20464/2021. URL: <https://www.consultant.ru/online/lastdocs/RAPS001/> (дата обращения: 16.10.2022).

15. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 25.07.2022 N 07АП-4683/2022 по делу № А27-10992/2021. URL: <https://www.consultant.ru/online/lastdocs/RAPS001/> (дата обращения: 17.10.2022).

16. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 27.06.2022 N 02АП-2571/2022 по делу № А28-11930/2021. URL: <https://www.consultant.ru/online/lastdocs/RAPS001/> (дата обращения: 19.10.2022).

17. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.04.2022 N 11АП-2744/2022 по делу № А72-16066/2021. URL: <https://www.consultant.ru/online/lastdocs/RAPS001/> (дата обращения: 19.10.2022).

18. Решение Арбитражного суда Томской области от 11.04.2022 по делу № А67-988/2022. URL: <https://www.consultant.ru/online/lastdocs/RAPS001/> (дата обращения: 20.10.2022).

19. Постановление Пятнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 15.12.2015 15АП-14561/2015 по делу № А32-39951/2014. URL: <https://www.consultant.ru/online/lastdocs/RAPS001/> (дата обращения: 20.10.2022).

20. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 06.11.2016 по делу № А45-9331/2016. URL: <https://www.consultant.ru/online/lastdocs/RAPS001/> (дата обращения: 21.10.2022).

21. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 18.04.2016 по делу № А60-62114/2015. URL: <https://www.consultant.ru/online/lastdocs/RAPS001/> (дата обращения: 21.10.2022).

22. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 19.12.2019 по делу № А57-15969/2018. URL: <https://www.consultant.ru/online/lastdocs/RAPS001/> (дата обращения: 22.10.2022).

23. Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 16.12.2019 по делу № А12-25758/2019. URL: <https://www.consultant.ru/online/lastdocs/RAPS001/> (дата обращения: 22.10.2022).

24. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 03.05.2018 по делу № А60-189/2018. URL: <https://www.consultant.ru/online/lastdocs/RAPS001/> (дата обращения: 23.10.2022).

25. Лопухова Е. О. Преодоление проблемы злоупотребления исключительным правом на товарный знак: о возможности снижения компенсации ниже низшего предела // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2021. № 1 (20). С. 110-114.

26. Мещерякова М. А. Компенсация за нарушение исключительных прав на товарный знак: особенности обоснования ее размера с позиции истца и ответчика // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 5 (236). С. 96-110.

27. Таталина А. В. Возмещение компенсации как способ защиты исключительного права на товарный знак // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 5-3 (61). С. 157-162.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ В СВЯЗИ С АНТИМОНОПОЛЬНЫМ ИММУНИТЕТОМ ДЛЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

*А. И. Кочеткова³,
обучающаяся*

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. Автор изучает современные тенденции развития институтов интеллектуальной собственности в Российской Федерации, анализирует действующее правовое регулирование с точки зрения соответствия международным стандартам, а также отвечает на вопрос, необходима ли отмена антимонопольного иммунитета для интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, правовое регулирование институтов интеллектуальной собственности, антимонопольный иммунитет

Несомненно, чтобы наиболее глубоко и подробно проанализировать проблему злоупотребления исключительными правами, необходимо детально изучить такие феномены, как интеллектуальная собственность, исключительные и патентные права. Указанные категории с каждым годом получают все большее распространение на территории РФ.

Институты интеллектуальной собственности стали всемирно использоваться и признаваться большинством развитых правовых порядков не так давно – примерно в середине XX века. В современном мире наибольшее число судебных споров в названной сфере приходится на США, Англию и некоторые страны Европейского союза (в том числе на Германию). В России ука-

³ Научный руководитель – *К. Г. Гуцу*, преподаватель кафедры гражданского права, Санкт-Петербургский государственный университет.

занные институты хотя и не являются новыми, но не отличаются столь полной и всесторонней регламентацией, как, например, в некоторых странах, которые были упомянуты выше. Более того, патентные споры и разного рода патентные злоупотребления на территории РФ стали появляться достаточно регулярно только в XXI веке. В связи с этим законодательство и судебная практика охватывают далеко не все проблемы, возникающие в этой сфере.

Тем не менее довольно обширная часть ГК РФ, а именно его четвертая часть, посвящена институтам интеллектуальной собственности в различных их проявлениях.

Статья 1126 ГК РФ гласит, что на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации признаются интеллектуальные права, которые включают исключительное право, являющееся имущественным правом, а в случаях, предусмотренных ГК РФ, также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и другие) [2]. Иными словами, интеллектуальная собственность представляет собой совокупность прав правообладателей на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации.

В российской правовой системе можно выделить несколько видов интеллектуальной собственности: авторское право; права, смежные с авторским; патентное право; право на селекционное достижение; право на топологии интегральных микросхем; право на секрет производства (ноу-хау); права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. Все указанные виды прямо поименованы в ГК РФ (в его четвертой части). В рамках представленного исследования наибольшее внимание будет уделено именно патентным правам, так как по частоте применения в названной сфере они находятся в числе лидеров.

С институтом интеллектуальной собственности неразрывно связана категория «исключительное право». В интерпретации статьи 1229 ГК РФ [2] исключительное право представлено триадой правомочий: 1) использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом; 2) распоряжаться исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации по правилам статьи 1223 ГК РФ; 3) по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Более того, как заметила Р. Ф. Галеева в своей работе [14],

правообладатель исключительного права наряду с традиционными обладает особыми способами защиты, в частности он наделен возможностью перевода прав приобретателя исключительного права на предыдущего правообладателя (пункт 5 статьи 1234 ГК РФ), а также правом на компенсацию за нарушение исключительного права (пункт 3 статьи 1252 ГК РФ) и так далее. То есть исключительное право является абсолютным – ему противостоит обязанность неопределенного круга лиц, не являющихся правообладателями, воздержаться от действий, которые могут каким-либо образом его нарушить.

Первоначально исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации обладает лицо, творческим трудом которого оно создано. Впоследствии автор результата интеллектуальной деятельности вправе распоряжаться своим исключительным правом, в том числе отчуждать его. При этом исключительное право обладает определенным сроком своего действия, что прямо указано в статье 1230 ГК РФ [2].

Патентным правам посвящена глава 72 ГК РФ. Пункт 1 статьи 1345 ГК РФ гласит, что патентными правами являются интеллектуальные права на изобретения, полезные модели и промышленные образцы [2]. Та же статья указывает, что автору изобретения, полезной модели или промышленного образца в обязательном порядке принадлежат исключительное право и право авторства. Более того, в некоторых случаях, предусмотренных ГК РФ, автору изобретения, полезной модели или промышленного образца принадлежат также другие права, в том числе право на получение патента, право на вознаграждение за служебное изобретение, полезную модель или промышленный образец.

Указанная категория прав является неким частным выражением интеллектуальной собственности, в связи с чем общие правила, установленные ГК РФ для этого института, распространяются также и на патентные права. Однако у последних существует ряд особенностей.

Так, патентные права ограничивают деятельность третьих лиц в отношении идеи как таковой, а не конкретного изобретения, промышленного образца или полезной модели, чтобы дать возможность автору на ее непосредственное использование в коммерческих целях без опасения, что кто-либо воспользуется этой идеей и станет лидером на соответствующей рыночной нише. Иными словами, даже если идея патентообладателя будет воспроизведена в несколько иной форме, чем он предполагал, но будет подпадать

под ряд признаков, дающих основание считать, что был использован конкретный патент, патентообладатель будет иметь право на защиту по правилам статьей 1250, 1252 и 1253 ГК РФ. Также ему будут предоставлены специальные способы защиты, в соответствии со статьями 1406.1 и 1407 ГК РФ, а именно право на выплату компенсации и право требования публикации в официальном бюллетене федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности решения суда о неправомерном использовании изобретения, полезной модели, промышленного образца или об ином нарушении его прав [2].

Что же касается объектов патентных прав, то, согласно пункту 1 статьи 1349 ГК РФ, таковыми являются результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, отвечающие установленным ГК РФ требованиям к изобретениям и полезным моделям, а также результаты интеллектуальной деятельности в сфере дизайна, отвечающие установленным ГК РФ требованиям к промышленным образцам [2]. Пункт 4 указанной статьи при этом гласит, что перечисленные выше результаты интеллектуальной деятельности, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали, а также способы модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека, способы клонирования человека и его клон и использование человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях не могут выступать в качестве объектов патентных прав.

Патентные права, в отличие, например, от авторских прав, не закрепляются за автором изобретения, полезной модели или промышленного образца в связи с самим фактом их создания или выработки какой-либо идеи. Существует процедура получения патента, которая подробно регламентирована в §5 главы 72 ГК РФ. Так, пункт 1 статьи 1374 ГК РФ устанавливает, что заявка на выдачу патента на изобретение, промышленный образец или полезную модель подается в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности лицом, обладающим правом на получение патента в соответствии с ГК РФ [2]. Патент в некотором роде удостоверяет исключительное право на изобретение, промышленный образец или полезную модель.

Также следует отметить, что статьей 1363 ГК РФ (в пункте 1) предусмотрены сроки действия указанных прав: по общему правилу пять лет – для промышленных образцов, десять лет – для полезных моделей, двадцать лет – для изобретений [2].

Таким образом, в настоящем разделе были рассмотрены основные теоретические аспекты правового регулирования интеллектуальной собственности, исключительных и патентных прав.

Следует отметить, что как исключительные права в целом, так и патентные права в частности характеризуются в первую очередь наличием правомочия субъектов указанных прав ограничивать и полностью запрещать любое коммерческое использование охраняемого объекта. В связи с этим на практике возникает ряд проблем, касающихся в первую очередь злоупотреблений патентными правами, о которых речь более подробно пойдет далее. Например, достаточно распространенной является ситуация, в которой крупные компании подают иски о защите патентных прав против своих конкурентов по сути не с целью реального ограничения противоправной деятельности, а также справедливого извлечения доходов из использования запатентованного объекта в виде *royalties*, а с намерением снизить конкурентоспособность компаний, занимающих ту же рыночную нишу, блокировать их деятельность или существенно затруднить ее. Общеизвестным примером в этой части является противостояние корпораций Google и Яндекс, которое более подробно будет описано ниже, как и иные случаи патентной борьбы. Указанный кейс не обязательно должен быть рассмотрен в качестве злоупотребления патентными правами, однако бесспорным является тот факт, что в некоторой мере права патентообладателя могут быть использованы не только для правомерной защиты, но и для «коммерческих целей», улучшения своего положения на рынке. Благоприятную почву для таких действий правообладателей создает также антимонопольный иммунитет для интеллектуальной собственности, закрепленный в ФЗ «О защите конкуренции».

Описанный режим интеллектуальной собственности, с одной стороны, служит инструментом защиты добросовестных патентообладателей, а с другой стороны, зачастую используется в качестве средства постепенной монополизации рынка.

Но необходимо ли исключить указанный иммунитет из действующего законодательства? Или существуют другие пути решения поставленной проблемы? На эти вопросы и будут даны ответы в ходе исследования.

В настоящее время как в Российской Федерации, так и на мировом уровне большое внимание уделяется защите интеллектуальной собственности. Так, статья 1 Преамбулы Директивы 2004/48/ЕС Европейского Парламента и Совета «О принудительном осуществлении прав на интеллектуальную собственность» [7] гласит, что развитие внутреннего рынка ведет к

устранению ограничений свободы перемещения, к уменьшению недобросовестной конкуренции, а также к созданию благоприятной для инноваций и инвестиций среды. В этом отношении охрана интеллектуальной собственности является существенным элементом успехов внутреннего рынка, она важна не только для поддержания инноваций и творчества, но и для развития рынка труда и улучшения конкуренции.

Как уже неоднократно отмечалось выше, в российской правовой системе закреплён антимонопольный иммунитет для интеллектуальной собственности. Этот институт не является инновационным, однако в течение многих лет ФАС РФ предпринимаются попытки исключить из антимонопольного законодательства или же существенно ограничить его. Федеральной антимонопольной службой регулярно предлагаются проекты так называемых антимонопольных пакетов, в которых в той или иной мере снимаются или ослабляются ограничения, наложенные на данный момент на применение антимонопольного законодательства в сфере интеллектуальной деятельности.

Так, в одной из начальных версий пятого антимонопольного пакета предлагается дополнить часть 4 статьи 10 ФЗ «О защите конкуренции» [3], которая на данный момент закрепляет, что запрет на злоупотребление доминирующим положением не распространяется на действия по осуществлению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, ограничением действия антимонопольного иммунитета в случаях, когда деятельность хозяйствующих субъектов выходит за пределы осуществления исключительных прав, а также осуществляется заведомо в целях ограничения конкуренции и приводит или может привести к такому ограничению [5]. В этом же проекте подразумевается внесение аналогичных изменений в часть 9 статьи 11 ФЗ «О защите конкуренции», которая в свою очередь является частью современного антимонопольного законодательства в указанной сфере. В ней закрепляется, что запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения хозяйствующих субъектов также не распространяется на действия по осуществлению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Но так ли необходимы неоднократно продвигаемые ФАС РФ изменения действующего законодательства?

На данный момент законодатель пытается найти грань, которая смогла бы отделить противоправное поведение правообладателя объекта интеллек-

туальной деятельности и некие злоупотребления исключительными правами от легальной монополии, которая закреплена в действующем законодательстве.

Помимо положений ФЗ «О защите конкуренции», упомянутых выше, антимонопольный иммунитет подкрепляется нормами, содержащимися в Гражданском кодексе РФ.

Так, пункт 1 статьи 1229 ГК РФ [2] гласит, что правообладатель может по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, то есть при использовании объекта патентного права в том или ином виде должно быть получено согласие патентообладателя на ввод какого-либо товара в оборот. Более того, отсутствие запрета правообладателя не считается согласием. Статья 1254 ГК РФ устанавливает аналогичные правила для лицензионных правоотношений.

Также стоит отметить, что если толковать пункт 1 статьи 1358 ГК РФ в системной связи с пунктом 4 статьи 10 и пунктом 9 статьи 11 ФЗ «О защите конкуренции», то можно сделать вывод, что по своей сути указанное законоположение закрепляет легальную монополию в сфере интеллектуальной собственности. Согласно статье 1358 ГК РФ [2] патентообладателю принадлежит исключительное право использования изобретения, полезной модели или промышленного образца любым не противоречащим закону способом. Фактически указанное право на результат интеллектуальной деятельности подразумевает правомочие запрещать третьим лицам использовать патент в своих коммерческих интересах.

Что же касается механизма фиксации исключительных прав, то, в соответствии со статьей 1353 ГК РФ, исключительное право признается и охраняется при условии государственной регистрации, на основании которой федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности выдает патент на результат интеллектуальной деятельности.

Примечательно, что такое регулирование вполне соответствует современным международным стандартам.

В 2012 году Российская Федерация присоединилась к Соглашению по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – ТРИПС, Соглашение). В 28 статье Соглашения [6] указано, что патент предоставляет его владельцу право препятствовать третьим лицам совершать без согласия владельца создание, использование, предложение для продажи, продажу или ввоз для этих целей объекта патента (если им является продукт), а также

право препятствовать третьим лицам совершать без согласия владельца действия по использованию запатентованного способа и реализацию продуктов, полученных непосредственно упомянутым способом.

Однако стоит отметить, что антимонопольный иммунитет интеллектуальной собственности в РФ не является безграничным, что и обеспечивает в некотором роде соблюдение баланса между интересами конкретного патентообладателя и неопределенным кругом лиц, заинтересованных в использовании патента.

Немаловажно, что пункт 7 статьи 1252 ГК РФ [2] подразумевает, что к отношениям в сфере интеллектуальных прав применимо антимонопольное законодательство, а именно, нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, согласно названному нормативному правовому акту, может быть признано недобросовестной конкуренцией. В этом случае защита нарушенного права может быть осуществлена как способами, предусмотренными ГК РФ, так и способами, закрепленными в антимонопольном законодательстве.

Также стоит обратить внимание на то, что статья 1359 Гражданского кодекса РФ перечисляет ряд действий, не являющихся нарушением исключительного права патентообладателя. Это положение российского законодательства также соответствует международным подходам к институтам интеллектуальной собственности. Уже упомянутое выше Соглашение ТРИПС в статье 31 [6] указывает на возможность использования объекта патента без разрешения правообладателя, включая использование государством или третьими лицами, уполномоченными государством. Безусловно, при этом должен быть соблюден ряд условий, перечисленных в Соглашении, но само существование этой возможности демонстрирует гибкость подхода к антимонопольному иммунитету для интеллектуальной собственности в этой части.

Более того, российский правопорядок воспринял доктрину исчерпания исключительного права в пункте 6 статьи 1359 ГК РФ [2], который гласит, что введение в гражданский оборот или хранение для этих целей продукта, в котором использованы изобретение или полезная модель, либо изделия, в котором использован промышленный образец, если этот продукт или это изделие ранее были введены в гражданский оборот на территории РФ патентообладателем или иным лицом с разрешения патентообладателя либо без его разрешения, при условии, что такое введение в гражданский оборот было осуществлено правомерно в случаях, установленных ГК РФ, не является нарушением исключительного права.

Также статья 1360 ГК РФ [2] позволяет использование изобретения, полезной модели или промышленного образца в интересах национальной безопасности. Пункт 1 этой статьи гласит, что Правительство Российской Федерации имеет право в случае крайней необходимости, связанной с обеспечением обороны и безопасности государства, охраной жизни и здоровья граждан, принять решение об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца без согласия патентообладателя с уведомлением его об этом в кратчайший срок и с выплатой ему соразмерной компенсации.

Описанный механизм является довольно противоречивым. Несомненный его плюс заключается в том, что обладателю исключительного права должна быть выплачена справедливая компенсация за использование результата интеллектуальной деятельности без его на то разрешения. Однако круг случаев, в которых такое использование может быть осуществлено, не является определенным, что может привести к злоупотреблениям со стороны государства описанным механизмом. Более того, использование объекта патентных прав в интересах национальной безопасности, исходя из буквального толкования приведенных выше правовых норм, осуществляется не с санкции суда, по крайней мере в законодательстве нет указания на судебный порядок принятия такого рода решения, а с разрешения государства без предварительного информирования об этом самого патентообладателя. Ни критерии определения справедливого размера компенсации, ни границы кратчайшего срока, в который правообладатель должен быть уведомлен об использовании изобретения, полезной модели или промышленного образца, законом не определены, что позволяет сделать вывод о том, что указанный механизм не учитывает в полной мере интересы патентообладателя, а значит, может привести к безосновательному ограничению его прав и к потере значительной части прибыли, на которую он мог бы рассчитывать при получении royalties за использование объекта патентных прав. Безусловно, законодатель предусмотрел возможность выплаты справедливой компенсации правообладателю, но представляется, что размер такой компенсации может быть значительно ниже предполагаемого размера royalties. Также не совсем понятно, каким образом в интересах национальной безопасности будут использованы объекты патентных прав: может ли это привести к неконтролируемой эксплуатации промышленного образца, изобретения, полезной модели не только непосредственно государством, но и другими участниками оборота? Такой механизм в какой-то мере является беспрецедентным, поэтому не совсем очевидно, как он будет применяться

на практике. В связи с этим, по мнению автора, в том виде, в котором он описан в законодательстве на данный момент, указанный механизм может привести к неоправданному ущемлению прав патентообладателей.

Показательным в части возможных злоупотреблений со стороны государства является Решение Арбитражного суда Кировской области по делу № А28-11930/2021 от 3 марта 2022 года [10]. Обладающая правами на мультсериал «Свинка Пеппа» и его персонажей компания Entertainment One UK Limited неоднократно обращалась в российские суды за защитой своих прав в связи с незаконным использованием изображений персонажей указанного мультсериала. Анализ всего массива судебной практики по этому вопросу находится за рамками исследования, однако упомянутое выше решение представляет интерес. Истцу было отказано в защите прав на товарные знаки на том основании, что «...в конце февраля – начале марта 2022 года странами Запада, в том числе, Великобританией, приняты ограничительные (политические и экономические) меры, введенные против Российской Федерации, юридических и физических лиц, а также высших должностных лиц Российской Федерации ... С учетом введения ограничительных мер в отношении Российской Федерации и статуса истца (местом нахождения истца является Великобритания), суд расценивает действия истца как злоупотребление правом, что является самостоятельным основанием для отказа в иске». Представляется, что подобная аргументация суда абсолютно неприемлема, так как место нахождения компании не должно влиять на возможность защиты ею своих прав. Суд должен был полно и всесторонне оценить все обстоятельства дела, выяснить: действительно ли было допущено нарушение прав Entertainment One UK Limited? не является ли запрошенная ею компенсация завышенной и не соответствующей характеру нарушения?

По мнению автора, этот пример иллюстрирует, что нормы, позволяющие государству пользоваться, например, объектами патентных прав без предварительного согласия патентообладателя, если и могут быть инкорпорированы в современное законодательство, то должны содержать подробную регламентацию механизмов такого использования, чтобы не допустить чрезмерного ограничения патентных прав.

Еще одним важным обстоятельством является то, что территория и сроки действия патентных прав в РФ несколько ограничены. Срокам действия патентных прав уже было уделено внимание в исследовании. Стоит лишь добавить, что пункт 3 статьи 1363 ГК РФ [2] предусматривает возможность неоднократного продления срока действия патента, но в целом не бо-

лее чем на двадцать пять лет. Что же касается территориального распространения действия исключительных прав, то статья 1346 ГК РФ [2] устанавливает, что на территории РФ действуют как патенты, выданные российским федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности, так и патенты, имеющие силу в России в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Особое внимание в данном разделе статьи необходимо уделить подходам, выработанным судебной практикой к антимонопольному иммунитету для интеллектуальной собственности.

Например, в Постановлении от 13 февраля 2018 года № 8-П [2] Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ) выразил позицию, согласно которой положения части 4 статьи 10 ФЗ «О защите конкуренции» не могут интерпретироваться и применяться как полностью выводящие коллизию интересов правообладателей товарных знаков и иных участников правоотношений по поводу товаров, на которых размещены соответствующие товарные знаки, и связанную с этим возможность оценки поведения сторон как недобросовестного из-под действия механизмов обеспечения баланса конституционно значимых ценностей. Иное означало бы злоупотребление исключительным правом на товарный знак, выходящее за разумные пределы защиты правообладателем своего экономического интереса, которое не должно поощряться, поскольку осуществление субъективных прав в противоречии с их назначением или с публичными целями, охраняемыми гражданским правом, влечет отказ в правовой защите. Иными словами, КС РФ в какой-то мере одобрил некоторое ограничение антимонопольного иммунитета для интеллектуальной собственности в РФ.

В связи с опубликованием данного Постановления некоторые эксперты высказали свое мнение по поводу действующего антимонопольного режима интеллектуальной собственности в РФ. Так, С. А. Пузыревский [20] выразил мнение, что необходимо изъять иммунитеты для интеллектуальной собственности из антимонопольного законодательства. По его мнению, такое изменение закона не повлечет снижения уровня защиты исключительных прав правообладателей в отношении объектов интеллектуальной собственности, однако позволит обеспечить защиту конкуренции и пресечь экономическую деятельность, направленную на монополизацию. А. С. Ворожевич [20, с. 30-31] заняла совершенно противоположную позицию и указала, что инициативы по ограничению исключительных прав посредством анти-

монопольного регулирования сами по себе заслуживают критики. Это стабилизирует инновационный оборот, создаст для правообладателей дополнительные риски, что в итоге негативно скажется на потребителях.

Таким образом, патент действительно по своей природе обладает потенциальным монопольным эффектом, как справедливо отметила А. С. Ворожевич [13], а предоставление патентообладателям исключительных прав в некоторых случаях приводит к злоупотреблениям и монополистическому поведению с их стороны. Однако, на взгляд автора, современные механизмы ограничения антимонопольного иммунитета для интеллектуальной собственности, предусмотренные ГК РФ и подробно рассмотренные выше, вполне способны сдерживать монополистические тенденции современной экономики. Подробнее конкретные случаи злоупотреблений патентными правами, а также возможные пути решения возникающих в связи с этим проблем и будут составлять предмет рассмотрения в следующем разделе.

Согласно части 2 статьи 34 Конституции РФ [1] не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию. А при анализе статьи 34 в системной взаимосвязи со статьей 8 Конституции можно прийти к выводу, что в РФ конкуренция, как одна из составляющих рыночной экономики, воспринимается в качестве конституционно значимой ценности. В связи с этим как никогда актуальной становится проблема злоупотреблениями со стороны патентообладателей правами, вытекающими из антимонопольного иммунитета для интеллектуальной собственности, в монополистических целях, то есть для блокирования деятельности своих конкурентов, развивающихся в той же рыночной нише.

В Российской Федерации проблема злоупотребления патентными правами только набирает обороты. В первую очередь это связано с тем, что в целом российское общество не так давно восприняло институты интеллектуальной собственности и стало активно их использовать в своей профессиональной деятельности, видеть в них потенциальный источник прибыли. Так, по данным Роспатента [23] наблюдается положительная динамика подачи заявок на полезные модели и промышленные образцы. Российские заявители в январе 2022 года подали на 42 % больше заявок на промышленные образцы (257 единиц), чем по итогам января 2021 года (181 единиц). Выросло также и количество заявок на программы ЭВМ, базы данных, топологии интегральных микросхем: по итогам первого месяца 2022 года этот показатель увеличился на 34,9 % (до 1 300 единиц). По мнению экспертов

Роспатента, такой рост обусловлен повсеместным внедрением информационных технологий и цифровой трансформацией общества. Представленные данные свидетельствуют о стремительном развитии сферы интеллектуальной собственности в целом и сферы применения патентов в частности.

В зарубежной доктрине несколько более детально систематизированы основные способы злоупотребления патентными правами или так называемые стратегии патентной борьбы. Среди таковых особенно выделяются «патентный флудинг» (patent flooding), «патентный забор» (patent fence), стратегия «подводных патентов» (submarine patent), «патентные заросли» (patent thickets), стратегия «патентной засады», а также патентный троллинг [13]. Пожалуй, особое внимание стоит уделить именно патентному троллингу, так как этот вид злоупотреблений хотя и не получил столь широкого распространения в Российской Федерации, однако является наиболее опасным с точки зрения влияния на рынок стратегией патентной борьбы.

Патентный троллинг заключается в том, что юридическое или физическое лицо скупает исключительные права на те или иные объекты патентных прав, а затем предъявляет иски преимущественно к крупным компаниям о нарушении своего исключительного права. Патентные тролли, как правило, целенаправленно отыскивают пробелы в списке патентов потенциального ответчика, то есть патенты, которые зачастую зарегистрированы продолжительное время назад, в связи с чем потенциальная «жертва» патентного тролля может даже не задумываться о том, что на использование такого патента необходимо получать согласие правообладателя. Для троллей деятельность по подаче исков и получению компенсаций обычно является основной, то есть такие лица не специализируются на производстве собственной продукции или на оказании какого-либо вида услуг.

Особая опасность такого вида злоупотреблений связана в первую очередь с тем, что таким способом не только парализуется или существенно затормаживается деятельность участников рынка по внедрению инноваций, но и блокируется развитие определенной сферы в целом, так как сами патентные тролли не вносят никакого вклада в модернизацию определенной ниши, не вводят в оборот какие-либо передовые технологии или способы производства.

В России можно выделить лишь несколько крупных дел, связанных с патентным троллингом, например, кейсы А. И. Максимова, О. О. Тихоненко и П. А. Панова. Наиболее крупным из них является дело, связанное с деятельностью гражданина Тихоненко. В 2008 году он получил три патента на полезные модели амортизаторов и незамедлительно предъявил требования

к 49 компаниям, реализующим соответствующие автозапчасти иностранного производства. Цена предложения Тихоненко по урегулированию конфликтов составила более 30 миллионов долларов. При содействии коллегии Палаты по патентным спорам Роспатента удалось добиться аннулирования патентов О. О. Тихоненко только в ноябре 2009 года [19]. Этот кейс является классическим примером патентного троллинга, который иллюстрирует, какие финансовые потери для компаний-ответчиков несет этот вид злоупотреблений патентными правами.

Время от времени патентные злоупотребления перерастают в полноценные войны, в которых несколько крупных компаний используют свои исключительные права во вред друг другу, стараются парализовать деятельность друг друга. Эта проблема встречается не столь часто, как перечисленные выше случаи патентной борьбы, однако наносит достаточно существенный вред и рынку как таковому, и конкретным его участникам.

Наиболее громким случаем патентной войны в РФ стал кейс с довольно крупными корпорациями Яндекс и Google. Спор между этими компаниями длился несколько лет. Начало ему было положено, когда компания Яндекс подала заявление в антимонопольный орган по причине предполагаемого нарушения Google Inc. антимонопольного законодательства Российской Федерации.

Поводом для обращения в ФАС РФ стали отказы производителей некоторых мобильных устройств под управлением операционной системы «Андроид», осуществляющих реализацию смартфонов и планшетных компьютеров на территории России, от сотрудничества с Яндексом. Ранее указанные производители предустанавливали поиск Яндекса в качестве поиска «по умолчанию», а также некоторые приложения Яндекса на свои устройства. В связи с такими отказами компания «Яндекс» выразила мнение, что описанная ситуация сложилась по причине ограничений и запретов, установленных для своих контрагентов конкурентом Яндекса – корпорацией Google. Компания «Яндекс» также указала, что действия Google причинили ей убытки «как хозяйствующему субъекту – конкуренту путем дезорганизации его деятельности и вытеснения его с рынка в связи с отказами контрагентов от сотрудничества либо продолжения сотрудничества с ним в силу наличия ограничений со стороны Google» [9].

Федеральная антимонопольная служба сделала вывод, что действительно пользователи мобильных устройств и планшетов чаще пользуются тем, что находится на таких устройствах по умолчанию. Об этом свидетельствуют результаты социологического опроса ВЦИОМ. ФАС РФ выразила

мнение, что «указанные обстоятельства приводят к созданию препятствий доступу хозяйствующих субъектов-конкурентов на рынок поиска, что потенциально может привести к ограничению конкуренции в связи с сокращением числа хозяйствующих субъектов на товарном рынке» [9]. Аналогичные выводы были сделаны и относительно установления требования об отказе от предустановки сторонних приложений и сервисов компаний-конкурентов Google, в том числе обеспечиваемого предоставлением вознаграждения.

Решением ФАС РФ Google было выдано предписание о прекращении злоупотребления доминирующим положением на рынке и совершения действий, направленных на ограничение конкуренции.

После описанного кейса компания Google несколько лет судилась с ФАС РФ, что в конечном счете привело к заключению мирового соглашения [24]. Несмотря на то что многолетние споры Google с компанией «Яндекс» и ФАС РФ прекратились, неоспорим вред, который был ими привнесен: для Яндекса вред заключался в первую очередь в убытках, некоторых финансовых потерях, для Google вред носил в основном репутационный характер. В любом случае эта ситуация является хрестоматийным примером для иллюстрации того, что патентные войны не несут в себе ничего кроме экономических потерь и дестабилизации положения тех или иных участников рынка.

Не так давно получил огласку очередной спор, связанный с защитой исключительных прав патентообладателя. Так, швейцарская компания Sqwin SA подала иск в российский суд на компанию Samsung по поводу предполагаемого нарушения патента на «Систему быстрых платежей», что едва ли не стало причиной запрета ввоза на территорию РФ большого количества моделей смартфонов Samsung, в которых используется Samsung Pay. Пока о финале этого спора заявлять рано, но на данный момент Девятый арбитражный апелляционный суд отказал швейцарской компании Sqwin SA в удовлетворении заявления о запрете на ввоз и продажу в РФ смартфонов Samsung с платежным сервисом Samsung Pay в качестве обеспечительной меры по патентному спору [25].

Стоит отметить, что исключительные права патентообладателей несут в себе не только негативные эффекты и потенциальную опасность злоупотреблений. Они являются стимулирующими факторами в инновационной деятельности хозяйствующих субъектов. Нельзя игнорировать тот факт, что если у инноваторов будут отсутствовать гарантии защиты их прав на созданные технологии, изобретения и тому подобное, то это может привести

к стагнации рынка, отказу от инновационной деятельности, так как субъекты экономики не будут видеть в ней потенциальный источник прибыли, ведь их конкуренты смогут беспрепятственно использовать готовые изобретения и технологии, не защищенные никакими исключительными правами, без несения каких бы то ни было издержек, связанных с инновационной деятельностью.

В связи с вышеизложенным, по мнению автора, полный отказ от антимонопольного иммунитета для интеллектуальной собственности может отрицательно повлиять на деятельность хозяйствующих субъектов, а как следствие – на экономику в целом. При таком исходе событий антимонопольные службы смогут беспрепятственно воздействовать на всех патентообладателей, деятельность которых так или иначе всегда связана с ограничением доступа конкурентов к объекту патента. Вмешательства антимонопольных органов в этой ситуации могут иметь бесконтрольный характер, так как под нарушения антимонопольного законодательства потенциально подпадают практически любые способы реализации исключительных прав. Действительно, более эффективно смогут быть пресечены различные виды злоупотреблений патентными правами, однако это также «отпугнет» действительно добросовестных инноваторов, приведет к прекращению ими своей деятельности.

Возможно, действующему антимонопольному законодательству необходима более точная и полная регламентация тех ситуаций, когда действия патентообладателей действительно стоит считать злоупотреблениями и пресекать. Например, А. Д. Куприянов [15] предлагает в качестве основного критерия для разграничения действий патентообладателя по осуществлению исключительных прав и действий, подпадающих под регулирование Закона «О защите конкуренции», цель использования патента на изобретение. Автор разделяет эту позицию и настаивает на том, что деятельность патентообладателей, которая направлена именно на законное извлечение прибыли из патента, не должна признаваться нарушением антимонопольного законодательства. Напротив, действия по использованию патента в качестве инструмента блокирования конкурентоспособности иных участников оборота и злоупотребления доминирующим положением на рынке должны подпадать под юрисдикцию Федеральной антимонопольной службы. В любом случае всегда важно анализировать ситуацию в комплексе и учитывать все обстоятельства дела, а не ограничивать деятель-

ность даже тех хозяйствующих субъектов, которые используют свои исключительные права только с целью законного приоритетного распоряжения изобретением, инновацией, технологией и так далее.

Важно выработать критерии, в соответствии с которыми будет происходить разграничение недобросовестной конкуренции и правомерной защиты правообладателями своих прав. Как уже было отмечено, основным критерием для такого разделения должна стать цель, с которой правообладатель использует зафиксированный в законодательстве иммунитет: если становится очевидно, что запрет на использование объекта интеллектуальной собственности не является явно соразмерным допущенному нарушению, то действия правообладателя стоило бы признавать злоупотреблением правом. Более того, следует комплексно оценивать поведение хозяйствующего субъекта, так как стратегия некоторых организаций как раз и заключается в скупке патентов и последующем предъявлении многочисленных исков к разного рода компаниям.

Также стоит обратить внимание на то, что ограничения в действие антимонопольного законодательства, если и могут быть внесены, то только при условии детальной регламентации ситуаций, в которых они возможны [17]. Размытые формулировки в таком случае могут привести к правовой неопределенности и к дальнейшей потере баланса между интересами правообладателей и сохранением конкурентного рынка.

Таким образом, исключительное право на запатентованные объекты, а именно право налагать запрет на использование результатов инновационной деятельности третьими лицами, и является стимулирующим фактором для подавляющей части хозяйствующих субъектов в сфере интеллектуальной деятельности. В связи с этим исключение антимонопольного иммунитета из действующего законодательства РФ может негативно сказаться на дальнейшем развитии рынка современных технологий.

В современных реалиях не менее актуальными становятся проблемы, возникающие в связи с окончательной легализацией параллельного импорта в РФ. 29 марта 2022 года Председателем Правительства Российской Федерации М. В. Мишустиним было подписано Постановление Правительства РФ № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» [4], которое фактически ограни-

чило исключительные права на товарные знаки и позволило ввозить некоторые группы товаров на территорию РФ без непосредственного согласия на то правообладателей.

В общих чертах параллельный импорт можно описать как ввоз на территорию государства товаров с оригинальной маркировкой товарными знаками без согласия правообладателя. Такие товары, как правило, легализуются и допускаются правообладателем к реализации на территории одной страны, а впоследствии перемещаются в другую страну с целью продажи или иного способа извлечения из них дохода. Параллельный импорт может происходить как с одновременными поставками от официальных дистрибьютеров, так и без таковых, например, в условиях санкций, когда определенные группы товаров не поставляются на территорию того или иного государства.

Первые серьезные шаги к легализации параллельного импорта были предприняты еще в 2018 г. с принятием уже упомянутого выше Постановления КС РФ от 13 февраля 2018 года № 8-П [8], в котором был сделан вывод о том, что «товары иностранного производства, на которых их производителем размещены товарные знаки, могут быть правомерно приобретены вне пределов Российской Федерации и впоследствии перемещаться через ее границу». Фактически КС РФ уже тогда признал, что параллельный импорт не носит противоправного характера (споры о котором периодически возникают в доктрине), а баланс интересов правообладателей и потребителей или импортеров должен достигаться посредством введения надлежащего нормативного регулирования и обеспечения правосудия.

Дискуссия об обоснованности нормативного разрешения параллельного импорта как политического и экономического явления, а также история его легализации находятся несколько за рамками исследования, особенно с учетом того, что фактически его легализация уже произведена, но стоит все же обозначить основные положительные и отрицательные черты этого явления, которые, по мнению автора, могут отразиться на последующей трансформации институтов интеллектуальной собственности в РФ.

Безусловно, в ситуации ухода значительного числа компаний с российского рынка и предпринятых санкционных мер, напрямую влияющих на его наполненность, легализация параллельного импорта видится практически единственным способом, с помощью которого можно за относительно короткий временной промежуток наполнить потребительский рынок необходимыми товарами и избежать дефицита. Строго говоря, речь не идет о «параллельности» [22], так как в условиях ухода значительного числа компаний

с российского рынка описанный механизм просто делает поставки иностранных товаров легальными и облегчает доступ потребителей к ним. Пожалуй, этот аргумент в наибольшей степени и учитывался при принятии окончательного решения о нормативном разрешении параллельного импорта. Также такой механизм импорта позволяет хотя бы на короткий промежуток времени избежать искусственного завышения цен компаниями, которые продолжают реализовывать свою продукцию на рынке: с уходом конкурентов они бы могли монополизировать рынок и поднимать цены за счет существенного преобладания спроса над предложением.

Однако на практике не связанные с официальными дистрибьютерами импортеры все равно завышают цены, в том числе чтобы компенсировать свои затраты на логистику и другие составляющие поставки товаров в РФ. Более того, в долгосрочной перспективе легализация параллельного импорта может иметь ряд негативных последствий для российской экономики и степени ее интеграции в глобальный рынок. Нагрузка на таможенные органы будет постепенно увеличиваться в связи с поступлением большого числа товаров, разрешение на импорт которых в РФ от правообладателей не получено. Проверка такой продукции, зачастую содержащей объекты интеллектуальной собственности, должна быть комплексной и всесторонней, что невозможно реализовать в ситуации увеличения потока. В связи с этим на рынок будет попадать большее количество контрафактных товаров, не отвечающих стандартам качества и безопасного потребления. По сути, потребители не смогут получить официальные гарантии на продукцию от производителей, что приведет к общему снижению качества товаров, представленных на рынке.

В таких условиях иностранные правообладатели не будут видеть для себя перспектив в продолжении официального импорта на территорию РФ, так как сторонние импортеры смогут манипулировать ценами. Как следствие, иностранные инвестиции в российскую экономику существенно упадут, а теневой ее сектор получит благоприятные условия для расширения.

Не во всех случаях легализация параллельного импорта приводит в долгосрочной перспективе к снижению доверия инвесторов и потенциальных официальных импортеров к рынку, а также к другим негативным последствиям. Примером тому служит Европейский союз и США, на территории которых «серый» импорт частично разрешен, хотя выбор принципа исчерпания исключительного права все еще вызывает споры в зарубежной доктрине [11]. Но предугадать последствия параллельного импорта сейчас достаточно сложно. Также стоит отметить, что на территории Евросоюза все

же общепринятым является региональный принцип исчерпания исключительных прав внутри объединенного рынка [18], в то время как в РФ этот вопрос еще до конца не разрешен.

Что же касается нормативной составляющей описанного явления, то правомерность параллельного импорта находится в прямой зависимости от того, какой подход к принципу исчерпания права отражен в правовой системе государства [16], а в этой части законодательство РФ вступает в коллизию с обязательными нормами международного договора.

В России официально действует национальный (или территориальный) принцип исчерпания права, который закреплен в статье 1487 ГК РФ [2]. Он подразумевает, что товар может быть введен в гражданский оборот на территории РФ только после согласия на то правообладателя. За незаконное использование товарного знака (а под такое использование подпадает, в соответствии с ГК РФ, в том числе и перемещение товара на территорию какого-либо государства без согласия правообладателя), статьей 1515 ГК РФ [2] установлена ответственность, а способы защиты правообладателями своих исключительных прав описаны в статье 1252 ГК РФ [2].

Несмотря на официальное закрепление в законодательстве национального принципа, как было отмечено КС РФ в Постановлении от 13 февраля 2018 года № 8-П [8], фактически приоритет отдается региональному принципу исчерпания, который хотя и прямо не отражен в законодательстве РФ, но в силу части 4 статьи 15 Конституции РФ и положений Договора о Евразийском экономическом союзе, подписанного в городе Астане 29 мая 2014 года, должен быть включен в правовую систему России и применяться вопреки правилам, установленным национальным законодательством.

Достаточно емко эту проблему описала О. В. Сивинцева [21]: «Тем самым, с одной стороны, национальный принцип не был отменен и действия параллельного импортера по-прежнему рассматриваются как нарушение исключительного права, а с другой стороны, юридических средств воздействия у правообладателя почти не осталось».

Как уже было отмечено выше, легализация параллельного импорта при условии официального закрепления национального принципа исчерпания исключительного права неизбежно сопряжена с ограничениями исключительных прав правообладателей, а такие ограничения на данный момент, согласно пункту 5 статьи 1229 ГК РФ [2], могут быть предусмотрены только в Гражданском кодексе Российской Федерации. Действующий же режим установлен только в Постановлении Правительства РФ, что явно нуждается в корректировке во избежание коллизии в нормативном регулировании.

Законодатель сейчас находится в поиске разумного баланса между интересами потребителей и правообладателей. Но действующее нормативное регулирование, установленное ГК РФ, в любом случае не позволяет в полной мере легализовать параллельный импорт и законно ввозить товары на территорию РФ без разрешения правообладателей. Чтобы избежать бесконечного потока судебных исков от правообладателей по ограничению перемещения и использования их товаров, необходимо решить: отказаться ли на законодательном уровне от национального режима исчерпания прав и перейти к региональному либо международному или допустить, что меры по «серому» импорту товаров носят временный характер, а потому не требуют изменения законодательной базы, разрушения ее стабильности.

В нынешней беспрецедентной экономической ситуации вопрос легализации параллельного импорта имеет принципиальное значение для будущего антимонопольного иммунитета в области интеллектуальной собственности, на необходимость сохранения которого автор указывал выше. Действительно, в ординарных условиях антимонопольный иммунитет для интеллектуальной собственности оказывает положительное влияние как на рынок в целом, так и на конкретные отрасли экономики в частности. Но в условиях экономических санкций и нормативного разрешения параллельного импорта все чаще стали звучать мнения о необходимости ограничения или полной отмены иммунитета. Действительно, нельзя не согласиться с тем, что антимонопольный иммунитет для интеллектуальной собственности на данный момент может привести к монополизации рынка товаров официальными импортерами, а также к существенным ограничениям поставок товаров через каналы параллельного импорта. Однако автору не видится возможным и своевременным полный отказ от действующего нормативного регулирования. Антимонопольный иммунитет является важной действующей силой как для отечественных, так и для зарубежных производителей. Действительно, на данный момент большая часть зарубежных импортеров ушла с российского рынка, но в условиях глобализации и развития тесных экономических связей по всему миру необходимо сохранять нормативную базу, регламентирующую сферу интеллектуальной собственности, для выстраивания экономических контактов в будущем. В связи с чем более оправданным видится частичная и, возможно, временная отмена антимонопольного иммунитета в отношении наиболее значимых для потребителей отраслей экономики, чьи товары не поступают по причине санкций или ухода компаний с рынка РФ.

Таким образом, для того, чтобы процесс интеграции параллельного импорта в правовую систему и экономическую сферу России прошел наиболее безболезненно, необходимо, во-первых, ограничить «серый» импорт только теми категориями товаров, которые имеют жизненно важное значение для граждан РФ, и разрешить его полное и неограниченное использование только в Калининградской области, оторванной от остальной части РФ, что существенно затрудняет доставку товаров в указанный регион. Во-вторых, стоит выработать стандарты и нормы, которым должна соответствовать импортируемая через альтернативные каналы продукция, чтобы избежать попадания на рынок массы некачественного и контрафактного товара. В-третьих, обязательными условиями попадания продукции в РФ через механизмы параллельного импорта должны стать дефицит определенных категорий товаров в стране, а также завышение цен со стороны оставшихся на рынке правообладателей. В-четвертых, возможным механизмом соблюдения прав правообладателей в сложившейся ситуации может стать их уведомление о ввозе в Россию продукции, маркированной принадлежащими им товарными знаками, а также выплата справедливой компенсации, хотя бы частично покрывающей потери официальных дилеров. Это могло бы снизить число судебных разбирательств и помочь избежать хотя бы части репутационных потерь российского рынка товаров.

Несомненно, современное российское законодательство, регулирующее сферу интеллектуальной деятельности, достаточно полно отражает основные потребности рынка товаров и услуг. Гражданский кодекс РФ содержит достаточно полный список основных видов интеллектуальной собственности, среди которых можно выделить авторское право; права, смежные с авторским; патентное право; права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий и так далее. Также в нормативных правовых актах, в частности в статьях 1250, 1252, 1253, 1406.1 и 1407 ГК РФ, содержится регламентация основных способов защиты, которыми могут воспользоваться лица, чьи исключительные, патентные и иные права нарушены. Следует отметить, что способы защиты, указанные в перечисленных выше статьях, достаточно эффективны и не нуждаются, по мнению автора, в корректировке.

Что же касается установленного в первую очередь Законом «О защите конкуренции» антимонопольного иммунитета для интеллектуальной собственности, то, как было неоднократно отмечено выше, в России на данный момент наметились тенденции потенциального его ограничения. Так, Федеральная антимонопольная служба РФ неоднократно выдвигала проекты так

называемых антимонопольных пакетов, которые должны были в той или иной мере расширить область применения законодательства о защите конкуренции на сферу интеллектуальной собственности. На взгляд автора, действующее регулирование этой стороны общественных отношений вполне отвечает международным стандартам, хотя и нуждается в несколько более подробной регламентации.

Стоит отметить, что необходимым видится введение в антимонопольное законодательство критерия разграничения действий патентообладателя по законному и добросовестному осуществлению исключительных прав и действий, подпадающих под регулирование Закона «О защите конкуренции», которые направлены на монополизацию рынка и блокирование деятельности участников оборота. Таким критерием могла бы стать цель использования патента на изобретение. В случае использования исключительных прав только лишь для извлечения прибыли действия патентообладателя не должны подпадать под юрисдикцию антимонопольных органов, а значит, и не должны быть пресечены.

Однако в таких неординарных условиях, в которых сейчас находится российский рынок, антимонопольный иммунитет в области интеллектуальной собственности может быть временно ограничен по отношению к тем секторам экономики, в которых был допущен импорт товаров с помощью механизмов параллельного импорта.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что исключительные и патентные права являются важным движущим фактором для инновационной деятельности хозяйствующих субъектов, так как посредством этих прав патентообладателям обеспечивается возможность приоритетного использования объекта патента, что в свою очередь не дает недобросовестным участникам рынка шанса на использование инноваций без вложения в их разработку и развитие собственных денежных средств, времени и других ресурсов.

Крупные компании, имеющие патенты на те или иные объекты, располагают возможностью долгосрочного получения прибыли без существенных финансовых вливаний за счет получения *royalties* от использования запатентованных объектов. В связи с этим полная отмена антимонопольного иммунитета для интеллектуальной собственности приведет к стагнации рынка, что, безусловно, негативной скажется на общем состоянии экономики в России и отпугнет инноваторов, которые в будущем будут рассматривать российский рынок в качестве потенциального для развития бизнеса.

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) [Электронный ресурс]: федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 7 окт. 2022 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О защите конкуренции [Электронный ресурс]: федер. закон от 26 июля 2006 г. (ред. от 11 июня 2022 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 29 март. 2022 г. № 506. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О внесении изменений в федер. закон «О защите конкуренции» в части установления антимонопольных требований к соглашениям и действиям по предоставлению или распоряжению исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации юридического лица, товаров, работ или услуг: проект федер. закона. URL: <https://clck.ru/32XVEC> (дата обращения: 17.07.2022).

6. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС): принято 15 апр. 1994 г. в г. Марракеше. URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/379915> (дата обращения: 18.07.2022).

7. О принудительном осуществлении прав на интеллектуальную собственность: Директива 2004/48/ЕС Европейского Парламента и Совета от 29 апр. 2004 г. URL: <http://lexdigital.ru/2012/039/> (дата обращения: 18.07. 2022).

8. По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ»: постановление Конституционного суда РФ от 13 февр. 2018 г. № 8-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Решение ФАС РФ от 18 сент. 2015 г. по делу № 1-14-21/00-11-15. URL: <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-regulirovaniya-svyazi-i-informatsionnyh-tehnologiy/ad-54066-15/> (дата обращения: 25.07.2022).

10. Решение Арбитражного суда Кировской области от 3 март. 2022 г. по делу № А28-11930/2021. URL: <https://clck.ru/32XVni> (дата обращения: 24.07.2022).

11. Birstonas R., Klimkeviciute D. Problematic aspects of the application of the principle of exhaustion of trademark rights in the EU (EEA) and of its interrelation with contract law: Possible solutions? // European Scientific Journal. 2014. Vol. 10, № 19.

12. Dobrin S., Chochia A. The concepts of trademark exhaustion and parallel imports: A comparative analysis between the EU and the USA // *Baltic Journal of European Studies*. 2016. Vol. 6, № 2.

13. Ворожевич А. С. Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя: моногр. М.: Статут, 2018. 320 с.

14. Галеева Р. Ф. Сущность исключительного права // *Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки*. 2010. Т. 152. Кн. 4. С. 104-110.

15. Куприянов А. Д. Патент на изобретение как инструмент злоупотребления доминирующим положением на рынке // *Право и экономика*. 2020. № 1. С. 48-55.

16. Луткова О. В, Терентьева Л. В., Шахназаров Б. А. Основные проблемы охраны интеллектуальной собственности в международном частном праве: учебное пособие для магистров. М.: Проспект, 2021. 224 с.

17. Лялькова С. П., Наумов В. Б. Интеллектуальная собственность и конкуренция: единство и борьба противоположностей // *Государство и право*. 2021. № 2. С. 83-94.

18. Нургалеев М. С., Петров Е. Н. Параллельный импорт лекарственных средств – особенности правового регулирования параллельного импорта в Европейском Союзе // *Вопросы российского и международного права*. 2019. Т. 9. № 2А. С. 279-286.

19. Панкина Г. В., Сашина Л. А., Слыхов А. А., Терешкина Т. М. Патентное рейдерство идет в Россию // *Компетентность*. 2011. № 4-5. С. 34-41.

20. Пузыревский С., Гаджиев Г., Калятин В., Иванов А., Семенов А., Хабаров Д., Суворов К., Войниканис Е., Ворожевич А., Макдональд Б., Пружанский В. Антитраст в сфере интеллектуальной собственности: в поисках разумного баланса // *Закон*. 2018. № 2. URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/7405> (дата обращения: 25.07.2022).

21. Сивинцева О. В. Политическая стратегия России в выборе режима исчерпания права на товарный знак // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2022. Т. 14. № 1. С. 1-24.

22. Сонич А. А. Потенциальные последствия легализации параллельного импорта в России в 2022 году // *Вопросы российского и международного права*. 2022. Т. 12. № 3А. С. 98-104. DOI: 10.34670/AR.2022.41.57.011

23. Федеральная служба по интеллектуальной собственности Роспатент: [сайт]. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/tz-20220207> (дата обращения: 18.07.2022).

24. Федеральная служба по интеллектуальной собственности Роспатент: [сайт]. URL: <https://fas.gov.ru/news/1953> (дата обращения: 25.07.2022).

25. Интерфакс: [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/world/819385> (дата обращения: 25.07.2022).

ЗАЩИТА ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

*А. С. Третьякова⁴,
обучающаяся группы 641а-ЮРо, группы 1231-ЭКз
В. О. Тарасова⁴,
обучающаяся группы 641б-ЮРо
СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар*

***Аннотация.** В настоящее время ключевыми ресурсами развития экономики и общества являются интеллектуальные ресурсы – знания и информация. Актуальность темы определяется в первую очередь тем, что интеллектуальный продукт в современном мире закладывает основы будущего потенциала страны во всех сферах жизни.*

***Ключевые слова:** интеллектуальная собственность, интеллектуальный продукт, интеллектуальные ресурсы*

В современном мире достаточно остро стоит проблема использования и охраны интеллектуальных прав, в связи с этим разрабатываются и постоянно совершенствуются законы по использованию и охране интеллектуальной собственности. Однако умственная деятельность людей довольно разнообразна и в связи с этим появляется необходимость её классификации, невозможно перечислить все результаты интеллектуальной деятельности человека, но их можно классифицировать таким образом, чтобы охватить большинство практически важных результатов во всех областях человеческой деятельности.

Термин «интеллектуальная собственность» применяется в правовой доктрине развитых стран и в международно-правовых соглашениях, однако внутреннее законодательство большинства зарубежных стран не содержит понятия интеллектуальной собственности. Появление термина «интеллектуальная собственность» обычно связывается с французским законодательством конца XVIII века. В то время большое распространение получает теория естественного права, которая именно в трудах французских просветителей (Вольтер, Дидро, Руссо и др.) находит наиболее последовательное развитие. Теория естественного права и явилась идеологической основой для появления нового правового института – института правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности [5].

⁴ *Научный руководитель – Л. В. Осипова, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар.*

Конвенция об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), принятая в Стокгольме 14 июля 1967 г., предусматривает, что объектами права интеллектуальной собственности являются:

- литературные художественные произведения и научные труды;
- исполнительская деятельность артистов, фонограммы и радиопередачи;
- изобретения во всех областях человеческой деятельности;
- научные открытия;
- промышленные образцы;
- товарные знаки,
- знаки обслуживания и коммерческие наименования и обозначения;
- пресечение недобросовестной конкуренции [3].

Однако закрепление международными нормами содержания «интеллектуальной собственности» совсем не означает единство взглядов в теории и следует отметить, что многие исследователи предлагают свои структурные классификации этой категории.

Исключительные права наряду с вещными относятся к разряду абсолютных прав. «Как вещное право является юридической возможностью пользования материальными вещами с устранением всех прочих от пользования теми же объектами, так и исключительное право представляет юридическую возможность совершения известного ряда действий с устранением всех прочих от подражания. Различие между вещными и исключительными правами заключается в их объекте» [6].

Гражданско-правовые способы приобретения и использования интеллектуальных прав на РИД и средства индивидуализации целиком связаны с исключительным, т. е. имущественным интеллектуальным правом, которое передаваемо, отчуждаемо, срочно в то время как личные неимущественные интеллектуальные права (право авторства, право на имя и т. п.) являются неотчуждаемыми и непередаваемыми и бессрочными (п. 1 ст. 150, п. 1 ст. 1265 ГК РФ).

Важная особенность исключительных прав заключается в том, что они территориально ограничены. Исключительные права охраняются только на территории определенной страны, а в силу международных договоров охрана может предоставляться и в других государствах. Об этой особенности необходимо всегда помнить, даже учитывая то, что в настоящее время действует ряд многосторонних международных договоров, нацеленных на предоставление охраны во многих государствах одновременно.

До 2014 г. при передаче права на объект интеллектуальной собственности в договоре обязательно должна быть указана территория государства (государств), на которую распространяются передаваемые права.

В настоящее время в российском законодательстве по-разному регулируются случаи неуказания территории. Так, ст. 1286.1 «Открытая лицензия на использование произведения науки, литературы или искусства» определяет, что, если в открытой лицензии не указана территория, на которой допускается использование соответствующего произведения, такое использование допускается на территории всего мира.

Для остальных случаев территорией считается вся территория РФ. Таким образом, условия о территории являются важным, но несущественным условием договора.

Дополнительной характеристикой является и то, что данные права передаются на определенный срок и этот срок не может быть больше предусмотренного законом для каждого РИД или средства индивидуализации. Для каждого вида интеллектуальной собственности сроки различны. По вопросу о возникновении споров о сроках охраны Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что «действия лиц, использовавших до введения в действие части четвертой Кодекса произведения, которые находились до 01.01.2008 в общественном достоянии, и соблюдавших положения статьи 28 Закона об авторском праве, несмотря на возобновление действия исключительного права на произведение не могут считаться нарушением. Вместе с тем дальнейшее использование произведения может осуществляться только с соблюдением положений части четвертой ГК РФ» [4].

Статьей 1225 ГК РФ предусмотрено, что РИД и приравненные к ним средства индивидуализации не могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому. Права на такие результаты и средства могут отчуждаться или иными способами переходить от одного лица к другому в случаях и в порядке, которые установлены ГК РФ. В данном случае под отчуждаемыми правами могут пониматься только исключительные права, но, несмотря на данное положение, ГК РФ предусматривает исключение, которое связано с отчуждением автором оригинала произведения. При отчуждении оригинала произведения его собственником, обладающим исключительным правом на произведение, но не являющимся автором произведения, исключительное право на произведение переходит к приобретателю оригинала произведения, если договором не предусмотрено иное. Данные правила, относящиеся к автору произведения, распространяются также

на наследников автора, их наследников и так далее в пределах срока действия исключительного права на произведение.

При отчуждении оригинала произведения по договору авторского заказа исключительное право на произведение сохраняется за автором, если договором не предусмотрено иное. К оригиналу относится рукопись, оригинал произведения живописи, скульптура и т. п.

В случае, когда исключительное право на произведение не перешло к приобретателю его оригинала, приобретатель вправе без согласия автора и без выплаты ему вознаграждения демонстрировать приобретенный в собственность оригинал произведения и воспроизводить его в каталогах выставок и в изданиях, посвященных его коллекции, а также передавать оригинал этого произведения для демонстрации на выставках, организуемых другими лицами.

Оборот исключительных прав подразумевает использование объектов, но необходимо помнить, что использование РИД или средства индивидуализации должно осуществляться с согласия правообладателя. Но несмотря на данное положение ГК РФ, существуют исключения, когда использование РИД или средства индивидуализации лицами иными, чем правообладатель, допускается без его согласия.

Способы использования зависят от вида интеллектуальной собственности. Гражданский кодекс РФ предусматривает следующие способы использования:

- 1) воспроизведение объекта;
- 2) распространение объекта путем продажи или иного отчуждения его оригинала или экземпляров;
- 3) публичный показ объекта;
- 4) импорт оригинала или экземпляров объекта в целях распространения;
- 5) прокат оригинала или экземпляра объекта;
- 6) публичное исполнение объекта;
- 7) сообщение в эфир;
- 8) сообщение по кабелю;
- 9) доведение объекта до всеобщего сведения;
- 10) перевод или другая переработка;
- 11) практическая реализация архитектурного, дизайнерского, градостроительного или садово-паркового проекта;
- 12) использование в определенных видах деятельности;
- 13) использование в пределах определенной территории;
- 14) цитирование в оригинале и в переводе;

- 15) изготовление;
- 16) продажа;
- 17) сдача в прокат;
- 18) импорт;
- 19) запись объекта;
- 20) ввоз на территорию РФ;
- 21) вывоз с территории РФ;
- 22) применение;
- 23) предложение о продаже;
- 24) продажа, иное введение в гражданский оборот или хранение для этих целей объекта, в котором использованы изобретение или полезная модель, либо изделия, в котором использован промышленный образец;
- 25) производство и воспроизводство;
- 26) размножение;
- 27) хранение;
- 28) в Интернете, в том числе в доменном имени и при других способах адресации;
- 29) другие способы.

Использование другими лицами интеллектуальной собственности допускается только с согласия правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ. Связано это с тем, что «исключительное право» уже в самом названии содержит существенную характеристику: владелец этого права «исключает» всех остальных от использования РИД или средств индивидуализации. Исключительные права могут принадлежать различным субъектам, как физическим, так и юридическим лицам, и связано данное право с введением интеллектуальной собственности в гражданский оборот.

По общему правилу исключительное право на результат творческого труда первоначально возникает у его автора. В праве интеллектуальной собственности принято говорить о лице, которому принадлежит какое-либо право, как о правообладателе. В случаях, прямо предусмотренных законодательством, исключительное право на результат творческой деятельности может возникнуть не у автора, а у другого лица (например, на объекты интеллектуальной деятельности, созданные по заказу, в порядке выполнения служебного задания, переданные по договору и др.). Таким образом, закон подчеркивает, что автор является приоритетной фигурой для признания его субъектом права на созданный им объект творческой деятельности.

Обладатель исключительного права на интеллектуальную собственность может правомочно его использовать по своему усмотрению в любой

форме и любым способом. Ограничения исключительных прав возможны только в том случае, если они наносят ущерб нормальному использованию объекта интеллектуальных прав или ущемляют необоснованным образом законные интересы правообладателя. Обычно такие ограничения устанавливаются национальным законодательством.

Принадлежащие различным субъектам исключительные права на РИД или средство индивидуализации, будучи по своей правовой природе имущественными правами, могут передаваться другим субъектам или отчуждаться.

При передаче исключительного права на интеллектуальную собственность обладатель передает исключительные права на использование интеллектуальной собственности другому лицу по договору в определенном объеме. Такой договор именуется лицензией, в нем могут предусматриваться и сроки использования, и территория, на которой разрешено использование. При этом в случае выдачи лицензии не происходит изменение правообладателя, появляются два или более правообладателей некоего объема исключительных прав, который был предусмотрен в лицензионном соглашении.

Отчуждение исключительных прав другим лицам производится автором или обладателем всего комплекса исключительного права. В этом случае у автора или правообладателя исключительных прав не остается, но за автором сохраняются личные неимущественные права.

В связи с тем, что исключительные права достаточно обширны, в лицензионном договоре необходимо четко перечислять способ, характер и указывать объем использования таких прав. Если же передаваемые права в договоре не перечислены, то предполагается, что они не переданы, пока не доказано иное, до тех пор, пока заинтересованная сторона не докажет, что такие права были переданы. Данное положение именуется «презумпцией неисключительности».

Исключительные права на объекты интеллектуальной собственности могут принадлежать совместно нескольким правообладателям: гражданам (физическим лицам), нескольким организациям (юридическим лицам), гражданам и организациям одновременно. Если исключительное право на объект интеллектуальной собственности принадлежит нескольким лицам, каждый из правообладателей может использовать его по своему усмотрению, если гражданским законодательством или соглашением между правообладателями не предусмотрено иное (п. 3 ст. 1229 ГК РФ).

Доходы от совместного использования РИД и средств индивидуализации распределяются между правообладателями поровну, если соглашением между ними не предусмотрено иное.

Например, при наличии нескольких авторов топологии интегральной микросхемы порядок использования прав определяется соглашением между ними. Каждый из соавторов вправе использовать топологию по своему усмотрению (ст. 1451 ГК РФ). Селекционное достижение также используется правообладателями совместно по соглашению между ними (п. 2 ст. 1411 ГК РФ). Товарный знак (знак обслуживания) может быть зарегистрирован как коллективный. Коллективный знак может быть товарным знаком (знаком обслуживания) союза, хозяйственной ассоциации, добровольного объединения организаций, выпускающих или реализующих товары, обладающие едиными характеристиками их качества или иными общими характеристиками (ст. 1510 ГК РФ). Однако коллективный знак, как и право на него, не могут быть переданы или отчуждены и не могут быть предметом лицензионного договора.

Исключительное право на фирменное наименование не может передаваться по лицензионному соглашению или по договору об отчуждении исключительных прав, данное право передается только в рамках самого предприятия.

Правообладатель может произвести денежную оценку исключительных прав и использовать ее для целей, для которых оценка имущества используется в гражданском обороте. Случаи, в которых денежная оценка исключительного права является обязательной и его стоимость подлежит включению в стоимость имущества правообладателя, должны быть предусмотрены законом. Например, такая оценка производится при внесении интеллектуальной собственности в качестве вклада в уставный капитал акционерных обществ. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» предусматривает, что денежная оценка имущества, вносимого в оплату акций при учреждении общества, производится по соглашению между учредителями (п. 3 ст. 34).

Исключительное право на РИД, охраняемый без его государственной регистрации, принадлежит гражданину Российской Федерации или российскому юридическому лицу независимо от того, на какой территории это право первоначально возникло. Иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица обладают исключительным правом на такой РИД, если оно первоначально возникло в Российской Федерации,

а также в случае, когда признание исключительного права предусмотрено международным договором РФ.

Что касается исключительных прав на РИД, подлежащих государственной регистрации, и средства индивидуализации, то они возникают на равных началах у российских, иностранных граждан, юридических лиц и лиц без гражданства при обязательном условии их государственной регистрации в соответствующем органе РФ. Вместе с тем в виде исключения из общего правила регистрация РИД или средства индивидуализации в международной организации является основанием для признания исключительного права на такой результат или такое средство в Российской Федерации в случаях, предусмотренных международными договорами РФ [7].

Исключительные права переходят по наследству и в порядке правопреемства при реорганизации юридического лица, которое обладает исключительными правами. Наследовать их могут как по закону, так и по завещанию. Автор или иной обладатель исключительного права вправе также распорядиться исключительным правом иным способом, не противоречащим существу исключительного права.

В случаях, когда РИД или средство индивидуализации подлежат в соответствии с законом регистрации, договоры о передаче прав на такие результаты или средства, о предоставлении права использования таких результатов или средств, а также переход таких прав без договора также подлежат государственной регистрации (ст. 1232 ГК РФ). Речь, в частности, идет о таких объектах интеллектуальной собственности, как изобретения, промышленные образцы, полезные модели, товарные знаки, наименования места происхождения товара, селекционные достижения. В случае изменений сведений, относящихся к государственной регистрации РИД, или средства индивидуализации о правообладателе, таких как: наименования, имени, места нахождения или места жительства и адреса для переписки, правообладатель обязан уведомить об этом Роспатент и федеральный орган исполнительной власти по селекционным достижениям.

Переход к другому лицу исключительного права на РИД или средство индивидуализации без заключения договора с правообладателем допускается лишь в случаях и по основаниям, установленным законом, в том числе в порядке универсального правопреемства и при обращении взыскания на имущество правообладателя. Универсальное правопреемство возникает при наследовании исключительных прав, а также при реорганизации юридических лиц. Последнее может происходить в таких формах, как слияние, выделение, присоединение, разделение, преобразование. Исключительные

права на результаты творческой деятельности или средства индивидуализации входят в состав имущественных прав и переходят к другому юридическому лицу на основании передаточного акта или разделительного баланса. Стороны сами устанавливают условия, на которых заключают договор о переходе исключительных прав.

В остальных случаях, закон требует провести обязательную государственную регистрацию соответствующего договора перехода исключительного права на РИД или средство индивидуализации. В случае невыполнения данных требований переход права считается несостоявшимся.

Нарушенные исключительные права на различные объекты интеллектуальной собственности защищают в большинстве случаев в судебном порядке. В соответствии со ст. 1252 ГК РФ защита предоставляется исключительным правам на РИД и средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ и услуг. Защита производится путем предъявления требований:

1) о признании права – к лицу, которое отрицает или иным образом не признает права, нарушая интересы правообладателя;

2) о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, – к лицу, совершающему такие действия или осуществляющему необходимые приготовления к ним;

3) о возмещении убытков – к лицу, неправомерно использовавшему РИД или средство индивидуализации без заключения соглашения с правообладателем либо иным образом нарушившему его исключительное право и причинившему ему ущерб;

4) об изъятии материального носителя – к его изготовителю, импортеру, хранителю, перевозчику, продавцу, иному распространителю, недобросовестному приобретателю;

5) о публикации решения суда о допущенном нарушении с указанием действительного правообладателя – к нарушителю исключительного права.

Обеспечение безопасности результатов интеллектуальной деятельности во многом зависит от понимания того, что собой представляет сама интеллектуальная собственность, от владения главными способами и ресурсами защиты, которые определяются в соответствии с соответствующими правовыми нормами, закрепленными в законодательстве Российской Федерации.

Возникновение термина «Интеллектуальная собственность» связывают с французским законодательством XVIII в., когда впервые был сформулирован проприетарный подход к авторскому и патентному праву, основан-

ный на концепции естественного права, получивший более последовательное формирование в работах французских философов (Дидро, Вольтер, Гельвеций, Гольбах, Руссо). Проприетарный (proprietary, т.е. собственнический) подход заключается в том, что авторское право относится к разновидности права собственности («литературная собственность»). В соответствии с данным подходом право человека, который создал любой творческий результат (литературное произведение или изобретение) считается его неотъемлемым, естественным правом, возникает из самой природы творческой деятельности и существует вне зависимости от признания данного права государственной властью [8].

Позднее эти взгляды были воплощены в законодательстве некоторых штатов Соединенных Штатов Америки (например, в законе штата Массачусетс от 17 марта 1789 года сообщалось, что «нет собственности, принадлежащей человеку более, чем та, которая является итогом его интеллектуальной деятельности»), а также в законодательстве революционной Франции. В водной части французского Патентного закона от 7 января 1791 года было заявлено, что «любая новая идея, объявление и реализация которой может быть полезной для общества, принадлежит тому, кто её создал, и было бы ограничением прав человека не расценивать новое промышленное изобретение как имущество его создателя». Авторское право французского образца послужило моделью для остальных стран континентальной Европы, а также, после второй мировой войны, и для Всеобщей декларации прав человека 1948 года: «Каждый имеет право на защиту его моральных прав и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является» [2].

Термин «интеллектуальная собственность» эпизодически употреблялся теоретиками – юристами и экономистами в XVIII и XIX веках, однако в широкое употребление вошел лишь во второй половине XX века в связи с учреждением в 1967 году в Стокгольме Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). Согласно учредительным документам ВОИС выделяют следующие виды прав интеллектуальной собственности (табл. 1).

Таблица 1

Виды прав интеллектуальной собственности

Права, относящиеся к «интеллектуальной собственности»
– литературные, художественные и научные произведения;
– исполнительская деятельность артистов, звукозаписи, радио- и телевизионных передач;

– изобретения во всех областях человеческой деятельности;
– полезные модели;
– промышленные образцы;
– товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования и коммерческие обозначения;
– другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях

Позднее в сферу деятельности ВОИС были включены исключительные права, относящиеся к географическим указаниям, новым сортам растений и породам животных, интегральным микросхемам, радиосигналам, базам данных, доменным именам.

Интеллектуальные права или право интеллектуальной собственности – юридический термин, обозначающий совокупность прав, которыми обладают лицо или лица (авторы или иные правообладатели) на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

В России термин «интеллектуальная собственность» определен в ст. 1225 части четвертой Гражданского кодекса РФ, принятой 24 ноября 2006 года, как список результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, которым предоставляется правовая защита. Термин «интеллектуальные права» определен в ст. 1226 как права на «результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации)» [1].

В таблице 2 представлены данные об основных конвенциях по охране авторских прав, участником которых является и Россия.

Таблица 2

Основные конвенции по охране прав авторов

Конвенции, участником которых является Россия	
– Бернская конвенция (Бернский Союз) об охране литературных и художественных произведений, принятая в 1886 году	– Всемирная конвенция об авторском праве (Женевская конвенция), принятая в первой редакции в 1952 году
– Конвенции о распространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники (с 27 мая 1974 года)	– Конвенция, учреждающая Всемирную Организацию Интеллектуальной Собственности (WIPO) (с 14 июля 1967 года)
– Конвенции об охране интересов производителей фонограмм (с 13 марта 1995 года)	

К сожалению, в сфере защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации достаточно много пробелов. Ежегодно иностранные компании теряют в Российской Федерации миллиарды долларов из-за нарушения патентов, авторских прав и прав на товарные знаки. Российские фирмы из-за аналогичных нарушений ежегодно теряют сотни миллионов долларов. Одной из причин этого является недостаток внимания и опыта решения проблем, связанных с использованием интеллектуальной собственности. Также значительная часть достижений уходит за рубеж и происходит крупномасштабная утечка самых высококвалифицированных кадров, труд которых не оценили по достоинству, а это несомненно ухудшает научно-технический потенциал страны.

Одной из самых актуальных проблем является защита авторских прав в сети Интернет. Эта проблема так и не нашла окончательного решения не только в нашей стране, но и по всему миру. Все работы, переведенные в электронный формат, находятся в открытом доступе. Каждый желающий, находящийся на просторах Интернета, может в любой момент воспользоваться данной информацией в своих целях. По данным статистики до 95 % авторских произведений и фонограмм распространяются через Интернет без соблюдения каких-либо норм и законов. Таким образом, можно сделать вывод, что эффективно действующие меры по защите электронной информации сегодня практически отсутствуют.

Каждое лицо, вступающее в гражданско-правовые отношения, может защищать свои нарушенные или оспариваемые права, охраняемые законом интересы. Бесспорным правом на защиту обладают и владельцы объектов интеллектуальной собственности.

Необходимо отметить, что следует различать охрану прав и защиту прав.

Охрана есть установление общего правового режима, а защита – те меры, которые предпринимаются в случаях, когда гражданские права нарушены или оспорены.

Поскольку права на объекты интеллектуальной собственности являются гражданскими правами, вопрос о применении мер защиты решает владелец этих прав, а не какой-либо государственный орган: гражданские права – есть частные права.

Можно отметить, что в настоящее время не существует специальных кодифицированных норм, направленных на защиту объектов интеллектуальной собственности в общем (возможно этот вопрос будет решен с приня-

тием раздела о интеллектуальной собственности части третьей ГК РФ), однако применимы общие правила ГК РФ о защите нарушенных прав, а также соответствующие нормы специальных законов.

В юридической литературе выделяют две формы защиты: юрисдикционную и неюрисдикционную. К неюрисдикционной форме относится предусмотренная ст. 14 ГК РФ самозащита. В соответствии с законом способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Самозащита в основном применима в договорных отношениях, она выражается в том, что сторона, по отношению к которой не были исполнены обязательства, может в свою очередь приостановить выполнение своих обязательств. Так, например, самозащита может выражаться в уведомлении неправомерно использующих средства индивидуализации третьих лиц о нарушении исключительных прав их владельцев.

Выбирая юрисдикционную форму защиты, лицо, чьи права нарушены или оспариваются, прибегает к помощи правоохранительных органов. Юрисдикционная форма охватывает административный и судебный порядки реализации способов защиты.

Но, как мы уже отметили, нормы о защите прав на объекты интеллектуальной собственности содержатся в специальных нормативных актах.

Вообще, фактически для каждого объекта интеллектуальной собственности присущи наличие разноотраслевых способов защиты нарушенных прав. Так, способы защиты прав владельцев средств индивидуализации могут быть гражданско-правовыми и уголовно-правовыми.

В качестве примера рассмотрим меры гражданской ответственности, применяемые при нарушении авторских и смежных прав. В основном они указаны в ст. 49 и 50 Закона «Об авторском праве и смежных правах».

Кроме того, применяются также общие меры гражданской ответственности, предусмотренные ГК РФ. В частности, поскольку нарушение этих прав является деликтом, применимы нормы общих положений о возмещении вреда (ст. 1064-1083 ГК РФ). Применимы также общие нормы о защите гражданских прав (ст. 12 ГК РФ).

Поскольку рассматриваемые нарушения могут причинить и моральный вред, подлежат применению нормы ст. 150, 151, 1099-1101 ГК РФ.

К договорам, относящимся к использованию авторских и смежных прав, применимы нормы об ответственности за нарушение обязательств (ст. 393-406 ГК РФ).

По общему правилу, защита прав на объекты интеллектуальной собственности осуществляется в судебном порядке. Основная масса авторско-правовых споров рассматривается районными, городскими, областными и иными судами общей компетенции. При этом автор освобожден от уплаты гражданско-правовой пошлины.

Если обоими участниками спорного правоотношения являются юридические лица, возникший между ними спор может быть разрешен в арбитражном суде. По соглашению спорящих сторон возникший между ними спор может быть передан также на рассмотрение третейского суда.

Нарушение исключительных прав может произойти как в рамках заключенного договора, так и вне рамок договора. Если нарушены условия договора о передаче авторских и смежных прав, применяются санкции, предусмотренные договором.

Зачастую способ защиты нарушенного права прямо определен специальной нормой закона либо вытекает из характера совершенного правонарушения.

Статья 1233 ГК РФ предоставляет обладателю исключительных прав на программы для ЭВМ возможность распорядиться принадлежащим ему исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации любым не противоречащим закону и существу такого исключительного права способом.

Обязательственные отношения, складывающиеся по поводу временной передачи в пользование исключительных прав на программу для ЭВМ, традиционно оформляются в рамках лицензионных договоров.

Однако периодически правовая природа договоров по передаче исключительных прав приобретает гораздо более сложный характер.

Поэтому в зависимости от экономических целей, характера деятельности конкретного правообладателя, последний может предпочесть лицензионному совершенно иной вид договора, зачастую, на первый взгляд, абсолютно не характерный для распоряжения интеллектуальными правами.

Помимо экономических последствий, важную роль при заключении и исполнении того или иного вида договора играют и правовые особенности его регулирования. В непосредственной зависимости от императивных предписаний закона находятся такие правовые вопросы, как возможность применения мер оперативного воздействия к правонарушителю, содержание и порядок реализации прав и обязанностей сторон, их ответственность, особенности расторжения договора и т.п.

В связи с этим можно рассмотреть следующие наиболее интересные виды договоров, заключаемых на практике для передачи в пользование прав на программы для ЭВМ: лицензионный, доверительного управления, коммерческой концессии; отдельно упомянем о так называемых дистрибуторских соглашениях и сделаем некоторые выводы о том, кому и в каких ситуациях будет более выгодно заключение того или иного вида договора.

По лицензионному договору одна сторона – обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах.

Существенными условиями являются предмет договора, т.е. программа для ЭВМ (с указанием номера и даты выдачи свидетельства, если она была зарегистрирована или с подробным описанием программы (назначение, функции, язык программирования и т. д.), если она не была зарегистрирована), а также способы ее использования.

В лицензионном договоре должна быть указана территория, на которой допускается использование программы для ЭВМ.

Договор заключается в письменной форме и, если программа была зарегистрирована, договор также может быть зарегистрирован по желанию правообладателя, государственная регистрация передачи исключительных прав в данном случае не является обязательной. Наличие встречного предоставления, размер и порядок выплат устанавливаются соглашением сторон.

При письменном согласии лицензиара лицензиат может передать свои права и обязанности другому лицу по сублицензионному договору. Ответственность перед лицензиаром за действия сублицензиата несет лицензиат, если лицензионным договором не предусмотрено иное.

Лицензионный договор логично заключать правообладателю, который преследует, прежде всего, выгоду в виде уплачиваемого ему лицензиатом вознаграждения.

При этом теоретически лицензионный договор может заключаться как в предпринимательской деятельности, так и вне ее, хотя на практике лицензиатом чаще становится все же коммерческое юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, которые используют программы для ЭВМ исключительно в интересах собственной деятельности.

В то же время можно говорить о том, что в случае заключения лицензионного договора риски (прямые убытки, ухудшение деловой репутации и т.п.), как и ответственность правообладателя, минимальны.

По договору доверительного управления одна сторона (учредитель управления) передает другой стороне (доверительному управляющему) на определенный срок имущество, а другая сторона обязуется осуществлять управление этим имуществом в интересах учредителя управления или указанного им лица (выгодоприобретателя).

По договору доверительного управления, заключаемому в отношении прав на программы для ЭВМ, учредитель и выгодоприобретатель, как правило, совпадают в одном лице – авторе или правообладателе.

Этот вид договора очень подробно урегулирован законом. Четко прописаны все существенные условия: состав имущества, передаваемого в доверительное управление; наименование юридического лица или имя гражданина, в интересах которых осуществляется управление имуществом (учредителя управления или выгодоприобретателя); размер и форма вознаграждения управляющему, если выплата вознаграждения предусмотрена договором; срок действия договора. Однако перечисленные условия разумно предусматривать и в иных рассматриваемых договорах, что и имеет место на практике.

По договору доверительного управления управляющий вправе поручить совершение определенных действий другому лицу, если он уполномочен на это договором, либо получил на это согласие учредителя в письменной форме, либо вынужден к этому в силу обстоятельств для обеспечения интересов учредителя управления или выгодоприобретателя и не имеет при этом возможности получить указания учредителя управления в разумный срок.

При этом юридически действия другого лица считаются собственными действиями управляющего, а отношения с поверенным оформляются не субдоговором, а договором поручения.

По договору коммерческой концессии (франчайзинга) одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав.

Договор франчайзинга предусматривает использование целого комплекса исключительных прав (а не одного определенного объекта), деловой репутации и коммерческого опыта правообладателя в определенном объ-

еме. Таким образом, программа для ЭВМ по договору коммерческой концессии передается и используется не отдельно, а в совокупности с правами на средства индивидуализации правообладателя.

Этот вид договора наиболее схож с лицензионным и предусмотрен специально для объектов интеллектуальной деятельности. В силу этого к договору коммерческой концессии в субсидиарном порядке применяются правила о лицензионном договоре. В то же время ГК подробно регулирует некоторые условия договора франчайзинга с учетом его действия в исключительно предпринимательской сфере: запрет конкуренции правообладателя и пользователя, обязанность согласовывать размещение предприятий и т.п.

Важным моментом договора коммерческой концессии является то, что пользователю может быть не просто предоставлена возможность заключения субдоговоров, но на него одновременно может быть возложена обязанность предоставить необходимое количество субконцессий.

Как видно из вышеприведенного анализа, правовой режим каждого из договоров применительно к передаче исключительных прав на программу для ЭВМ очень сложен и включает в себя множество аспектов.

На практике встречаются гораздо более сложные случаи, например, когда у правообладателя имеется несколько целей передачи в пользование прав на программу для ЭВМ, либо конкретные обстоятельства не позволяют заключить наиболее выгодный для него договор и т.п.

Поэтому для окончательного выбора вида договора в любом случае необходимо очень тщательно разобраться во всех нюансах конкретной имеющейся ситуации.

В заключение стоит отметить, что осознание мировым сообществом необходимости защиты интеллектуальной собственности будет способствовать пресечению недобросовестной конкуренции, связанной с несанкционированным использованием интеллектуальной собственности, т.е. с появлением на глобальном рынке контрафактной продукции. Интеллектуальная собственность в современном мире является очень важным и очень серьезным объектом изучения. В особенности это важно в условиях глобализации мировой экономики. Усиливающаяся в настоящее время борьба на международном рынке с контрафактными товарами, несомненно, приведет мировое сообщество к потребности приобретения легальной продукции и пониманию необходимости ее защиты.

Таким образом защита интеллектуальной собственности является сложным специфическим правовым механизмом, который постоянно развива-

ется и совершенствуется, продолжая процесс интеграции национальной системы охраны интеллектуальной собственности государства в мировой процесс гармонизации соответствующих национальных систем.

Из этого следует, что, несмотря на небольшое отражение интеллектуальной собственности в Гражданском Кодексе Российской Федерации, данная сфера права достаточно описана в законах, вполне успешно проводятся судебные дела, в перспективе предложено внесение дополнений в ГК РФ. У интеллектуального права в России есть будущее, потому как с каждым днем объекты исключительных прав занимают все большее место в жизни общества, а вместе с этим возникает все большая потребность регулирования связанных с ними отношений.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ.

2. Всеобщая декларация прав человека 1948 года, ст. 27, п. 2.

3. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (Стокгольм, 14 июля 1967 г.) (изменена 2 октября 1979 г.)

4. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.04.2019 № 10.

5. Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в РФ. М.: Проспект. 2006. 750 с.

6. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1995. С. 254.

7. Богуславский М. М. Авторское право и товарные знаки // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

8. Гехаев М. Д. Современные проблемы по защите прав интеллектуальной собственности // Инновационная наука. 2019. №1. С. 100-103.

АВТОРСКОЕ ПРАВО НА РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Т. Е. Орлова,
обучающаяся
МГЮА им. О. Е. Кутафина

Аннотация. Данная статья содержит анализ эволюции правового статуса искусственного интеллекта и проблемы защиты прав разработчиков и пользователей программного обеспечения на основе ИИ. Рассматривая доктринальный и нормативный аспекты обозначенной темы, автор предлагает меры по совершенствованию законодательства России в области авторского права на результаты деятельности ИИ.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, искусственный интеллект, ИИ, программный код, роботы, правообладатель, разработчик, пользователь, гражданское законодательство

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) ускоряется с каждым годом и наступление четвёртой индустриальной революции не за горами. Именно так мотивировала необходимость серьёзных законодательных изменений Стратегическая программа Японии по интеллектуальной собственности 2016 г. [1]

Значимость и всесторонность воздействия технологий на социум порождают множество новых общественных отношений и объектов, требующих доктринального объяснения и нормативного закрепления. Одним из проблемных объектов является произведение, сгенерированное машиной без участия человека.

Искусственный интеллект представляет собой систему технологий, решающих задачи, которые ранее были доступны только человеческому разуму. Эта система носит имя «искусственной интеллектуальной системы», или «ИИ-системы». В её основе лежат два важнейших качества: адаптивность и автономность.

Адаптивность позволяет выполнять не заложенные заранее задачи, то есть изменяться под действием меняющихся условий. Таким образом, интеллект способен адекватно реагировать на новые, не встречавшиеся ранее данные.

Автономность – это способность системы выполнять функции без управляющего воздействия извне, то есть самостоятельно.

Существуют и иные характеристики ИИ. Во-первых, это существование искусственного интеллекта в материальной или виртуальной реальностях. Роботы воспринимают окружающий материальный мир сенсорами и воздействуют на него своими устройствами вывода. А виртуальный ИИ зависит от специально сформированной программы [2].

Во-вторых, широта выполняемой работы. ИИ-система, выполняющая только один вид задач, называется узкой. Например, программа для игры в го «AlphaGo» не может водить трамвай. А общий искусственный интеллект выполняет широкий круг разнообразных задач. Например, голосовой помощник «Алиса» может искать информацию в сети Интернет и распознавать изображённые на фотографиях предметы.

В-третьих, развитость интеллекта. Слабый ИИ решает поставленные задачи, не задумываясь и не осознавая, что делает. Сильный – обладает самосознанием. Все существующие сегодня технологии искусственного интеллекта являются слабыми. Однако современный уровень научного развития не позволяет определить самосознание даже у живых существ.

Признанным в правовой доктрине является приведённое И. В. Понкин-ным и А. И. Редькиной определение: «искусственный интеллект – это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система (электронная, в том числе – виртуальная, электронно-механическая, био-электронно-механическая или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия, обладающая: свойствами субстантивности..., моделирования, самообучения, адаптирования своих действий к окружающей среде» [5].

Итак, можно выделить следующие важнейшие признаки ИИ-технологии:

- 1) предназначена для обработки информации;
- 2) способна анализировать информацию об окружающем мире;
- 3) обладает автономностью при выполнении алгоритма и способностью к самообучению без участия оператора.

Содержание авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом.

В 2016 году японская ИИ-программа написала роман под символическим названием «День, когда компьютер написал роман» и даже вышла в финал Литературной премии им. Хоси Синъити [14]. Этот случай показывает важность регулирования авторских прав на созданные машинами произведения не только с позиции охраны этих произведений, но и защиты прав авторов-людей.

Авторское право – это система имущественных и личных неимущественных прав, связанных с созданием и использованием (исполнением, изданием, показом и т. д.) объективных результатов творческой деятельности в области науки, искусства и литературы.

Согласно п. 1 ст. 1228 Гражданского кодекса РФ автором признаётся только гражданин, чьим творческим трудом создан конкретный результат интеллектуальной деятельности (РИД).

Понятие и критерии творческой деятельности или труда ни законами, ни судебной практикой чётко не описываются.

По ст. 1259 ГК РФ объекты авторских прав – это произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также способа его выражения. Отдельно указано, что программы для ЭВМ также относятся к объектам авторских прав и охраняются как литературные произведения.

В правовой доктрине сформировались основные концепции о месте искусственного интеллекта и результатах его деятельности в праве:

- 1) робот – самостоятельный субъект авторского права, способный выступать как соавтором, так и индивидуальным творцом [9];
- 2) робот как субъект авторского права, способный быть лишь соавтором человека [16];
- 3) робот как средство, используемое в творческой деятельности и объект интеллектуальных прав [15];
- 4) неохраноспособность машинных РИД [8].

Многие годы проблемы института авторских прав на машинное творчество носили скорее теоретический, чем практический характер ввиду того, что использование техники лишь дополняло творческую деятельность человека, но не заменяло её.

Сейчас ситуация меняется. Искусственный интеллект вполне успешно может конкурировать с человеком в части создания результатов интеллектуальной деятельности, а их современное промышленное создание практически невозможно без использования сложных вычислительных систем.

К сожалению, говорить о формировании общепризнанной модели регулирования или хотя бы единого понятийного аппарата, связанного с деятельностью ИИ, не приходится. К примеру, так звучит определение из Национальной стратегии по искусственному интеллекту Сингапура: «искусственный интеллект – это способность симулировать интеллектуальную деятельность человека компьютером».

Более конкретное, но не менее лаконичное определение содержится в п. 2 ст. 2 Базового закона Японии от 14.12.2016 № 103 «Об улучшении использования данных публичного и частного секторов»: «термин “технология, связанная с искусственным интеллектом” означает технологию для реализации таких интеллектуальных функций, как обучение, умозаключение и суждение, воплощаемых с помощью искусственных средств» [4].

Сравнительно недавно в той же Японии была предпринята попытка внесения изменений в законодательство об авторском праве, целями которой стали защита произведений машинного творчества от незаконного исполь-

зования без разрешения автора и предоставление разработчикам программного обеспечения (ПО) на основе ИИ права на получение соразмерной компенсации за такое использование [10].

Несмотря на возрастание количества принимаемых нормативных правовых актов, связанных с искусственным интеллектом, эти документы носят преимущественно прикладной характер (например, регулируют вопросы производства, испытания или регистрации). В то же время малочисленные документы об охране «машинного творчества» ограничиваются лишь указанием на необходимость такой охраны. Примерами могут служить «Charlevoix Common Vision For The Future Of Artificial Intelligence», принятый странами G7 в 2018 г., и Стратегическая программа Японии по интеллектуальной собственности 2016 г.

То же наблюдается и в правовой системе нашей страны. В Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») отмечается важность ускоренного развития технологий машинного обучения, проведения связанных с ним исследований, впервые даётся определение искусственному интеллекту: «ИИ – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека». Это определение носит прикладной характер и не позволяет определить связи искусственного интеллекта с гражданским и, тем более, правом интеллектуальной собственности.

Вопросы авторского права в нашей стране регулируются частью четвёртой Гражданского кодекса РФ. П. 1 ст. 1228 ГК РФ признаёт автором результата интеллектуальной деятельности гражданина, творческим трудом которого создан такой результат. Согласно п. 1. ст. 1259 ГК РФ, объектами авторских прав являются произведения науки, искусства и литературы, а также приравненные к ним программы для ЭВМ. Такие произведения носят творческий характер и выражены в объективной форме. Так как назначением ИИ является решение в том числе творческих задач подобно человеку, то результаты деятельности программы или робота можно отнести к произведениям. В ст. 1257 ГК РФ отмечается, что автором произведения является гражданин, чьим творческим трудом оно создано. Закон признаёт субъектом авторского права физическое лицо, человека. Следовательно, несмотря

на относимость результатов работы ИИ к произведениям, сам ИИ авторскими правами на это произведение не обладает. То есть результаты интеллектуальной деятельности, созданные ИИ, объектами авторских прав быть не могут, так как не созданы автором (человеком).

Кроме того, искусственный интеллект по своей природе может рассматриваться как программа для ЭВМ. Согласно ст. 1261 ГК РФ, программа для ЭВМ – это представленная в объективной форме совокупность данных и команд, нацеленная на получение определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы и порожаемые ею аудиовизуальные отображения. В целом данное определение подходит под научное описание технологии ИИ.

Исходя из описанного, в современном отечественном законодательстве ИИ представляется инструментом человека. Поэтому при ответе на вопрос о принадлежности авторских прав следует исходить из фактического творческого участия человека в формировании произведения. Однако при отсутствии творческого вклада человека вопрос о принадлежности спорных объектов остаётся открытым.

Одной из первых стран, затронувших проблему на нормотворческом уровне, является Великобритания. Согласно ст. 178 Закона «Об авторском праве, промышленных образцах и патентах», произведениями искусства, созданными при помощи компьютера, являются даже те объекты, в создании которых человек не участвовал. Автором признаётся физическое лицо, которое приняло меры, необходимые для создания произведения.

В то же время в законодательстве существует множество пробелов. К примеру, не упомянуты аудиовизуальные произведения, а также отсутствуют критерии оригинальности произведений [11].

В британской судебной практике признанным считается мнение, что автором произведений, созданных с помощью компьютера, обычно признается разработчик программного обеспечения, впоследствии создавшего произведение, то есть объект авторского права.

В мировой практике встречаются две крайности в регулировании творчества машин: принципиальное нерегулирование и стремление создать радикально новые правовые институты.

Отсутствие творческого вклада человека при создании произведений ИИ означает возможность оспаривания прав лица на созданный объект. Так, Бюро по авторскому праву США неоднократно подтверждало, что произведения, созданные не человеком, не могут получить охрану в США, так как

входят в сферу общественного достояния. В результате создание результатов интеллектуальной деятельности с активным использованием искусственного интеллекта часто маскируется реальным или мнимым участием в разработке результатов интеллектуальной деятельности людей. Это означает сокрытие проблемы и, как следствие, создание неопределенности с принадлежностью прав на создаваемые РИД, снижение стимула для совершенствования искусственного интеллекта и ослабление защиты авторов-людьми.

Европейский союз выступил с предложением наделить роботов правосубъектностью и добавить к юридическим и физическим лицам категорию «техническое лицо» [13]. Данные предложения рассматривались в разрезе юридической ответственности за вред, причиненный роботами.

Институт юридической ответственности выполняет восстановительную, предупредительную, карательную и другие функции. Однако восстановление социальной справедливости при помощи карательной санкции в отношении ИИ невозможно. Так, к устроившему ДТП беспилотному автомобилю невозможно применить лишение свободы, штраф или возмещение морального вреда. Гражданскую ответственность придется нести владельцу беспилотника.

Таким образом, введение концепции «технического лица» не решает проблему правоотношений из причинения вреда роботами. Однако теоретически она может помочь с признанием ИИ автором и правообладателем сгенерированных им произведений науки и искусства.

Программы уже умеют писать стихотворения и картины, но не использовать свои произведения и распоряжаться правами на них. Возможно, в будущем это изменится.

Более того, программы и роботы, функционирующие на основе ИИ, разрабатываются и производятся человеком для удовлетворения его потребностей и не обладают собственным интересом в отношении своих результатов деятельности, в отличие от человека. Задачей права и реформ законодательства должна быть защита законных интересов людей, что проблематично при наделении статусом автора роботов.

Можно заключить, что искусственный интеллект – это вещь. А вещное право содержит институт права собственности на вещи, полученные в результате использования другой вещи, то есть плоды. В соответствии со ст. 136 ГК РФ, независимо от того, кто использует вещь, полученные доходы,

продукция и плоды принадлежат собственнику вещи, если иное не предусмотрено нормативными правовыми актами или договором и не вытекает из существа правоотношения.

Однако нормы вещного права неприменимы, когда речь идёт о генерируемых произведениях науки, литературы или искусства, так как п. 1 ст. 1227 ГК РФ устанавливает независимость интеллектуальных прав от вещных. П. 3 той же статьи исключает возможность применения норм вещного права к правоотношениям по поводу создания и использования результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации по аналогии.

Следовательно, нормы о плодах к ситуациям, когда ИИ создаёт объекты авторского права, не применяются, несмотря на кажущуюся эффективность.

Итак, в зарубежных системах права прослеживается отсутствие единого подхода к регулированию исследуемой области. В частности, делаются попытки по формированию правосубъектности искусственного интеллекта. Во внутреннем российском праве регулирование также содержит ряд пробелов и коллизий. Правовой анализ законодательства России позволяет сделать вывод, что в настоящий момент право на творения ИИ принадлежит владельцу аппарата, который их создал.

С утверждением в 2019 году Указа Президента РФ о развитии искусственного интеллекта в стране наблюдается переход сферы регулирования машинного творчества из доктринальных источников в нормативно-правовые.

Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ № 2129-р, определила основные подходы к трансформации системы нормативного регулирования в Российской Федерации для обеспечения возможности создания и применения таких технологий в различных сферах экономики с соблюдением прав граждан и обеспечением безопасности личности, общества и государства. Применительно к охране результатов интеллектуальной деятельности данная Концепция в п. 12 установила, что, в частности, необходимо определить:

- 1) целесообразность расширения толкования понятия творческого вклада и (или) предоставления правовой охраны как объектам интеллектуальной собственности в другом формате;
- 2) условия допустимости использования при разработке и эксплуатации ИИ-систем РИД третьих лиц и совершенствование порядка закрепления прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием высоких технологий.

В октябре 2020 г. в Государственную Думу РФ был внесён законопроект о закреплении исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные искусственным интеллектом, за правообладателем программы, сформировавшей данный результат интеллектуальной деятельности [6]. Данный подход, один из самых простых в реализации, на мой взгляд, в корне не верен: не способен стимулировать создание новых произведений, так как предоставляет права лицу, не участвующему в процессе их создания. Это может привести к монополизации интеллектуальной собственности разработчиком программного обеспечения.

Ещё одним подходом к законодательному регулированию РИД роботов можно считать перенос их в сферу общественного достояния. Ст. 1283 ГК РФ почти полностью повторяет Бернскую конвенцию по охране литературных и художественных произведений 1986 г., где указывается, что любое лицо может пользоваться произведением без разрешения правообладателя по истечении определённого времени. Если внести изменения в Гражданский кодекс, в соответствии с которыми срок охраны машинного творчества будет истекать в момент его создания, это будет означать отсутствие правовой охраны оногo. Верховный суд РФ прокомментировал, что по смыслу ст. 7 и 18 Бернской конвенции произведение может стать общественным достоянием вследствие истечения срока охраны, иные причины не являются основанием для признания произведения перешедшим в общественное достояние. Изменение концепции общественного достояния противоречит отечественному и международному законодательству, а также может привести к потере экономического интереса к развитию технологий искусственного интеллекта [12].

Возвращаясь к применению нормы о плодах к результатам деятельности искусственного интеллекта, можно предложить следующие изменения в гражданское законодательство.

Для начала стоит отметить, что право собственности на плоды и иные доходы по ст. 136 ГК РФ принадлежит собственнику вещи. Разберёмся, кто должен обладать правами на произведения ИИ: собственник робота или программы ЭВМ (пользователь) или правообладатель (разработчик) программного обеспечения.

Примером может служить самообучающаяся программа, работающая на основе нейронной сети, целью которой является генерация текстов путём анализа пользовательских данных. На выходе такой программный софт получает готовый текст и часть кода, созданного в процессе самообучения и служащего для эффективного функционирования самой программы. Если

сгенерированный текст представляет интерес для пользователя, то добавочный код используется разработчиками ПО для его исследования и совершенствования, а значит представляет интерес для них.

Таким образом, необходимо разграничить результаты работы ИИ на внутренние, созданные для функционирования технологии и принадлежащие правообладателю, и внешние, то есть создаваемые для пользователя и принадлежащие ему. Ст. 1228 можно дополнить таким пунктом: «Права на результаты интеллектуальной деятельности, сгенерированные с использованием технологий искусственного интеллекта, первоначально возникают у собственника вещи для автоматического создания результата интеллектуальной деятельности, у пользователя программы для ЭВМ или правообладателя программы ЭВМ».

В дополнение к вышесказанному, в главу 71 ГК РФ следует добавить параграфы, поясняющие, что понимается под произведениями ИИ, добавочным кодом (компонентом программы) и их генерацией. Надо уточнить, что права на сгенерированные произведения науки, литературы и искусства принадлежат собственнику устройства, использованного для этой цели. Исключением будет ситуация, когда самообучающейся программой пользовался не собственник устройства, на котором она установлена. То есть, в случае, когда одним компьютером пользуются двое, правами на результаты интеллектуальной деятельности будет обладать тот субъект, что пользовался программой для их генерации. Конечно, права на произведения науки, литературы и искусства и программы для ЭВМ, сгенерированные ИИ, должны осуществляться при условии соблюдения прав правообладателей, то есть разработчиков используемых технологий. Это позволит ограничить нарушения лицензионных договоров при создании объектов авторского права.

Из-за того, что у объектов авторских прав, создаваемых ИИ, нет авторов, на данные правоотношения не могут распространяться некоторые интеллектуальные права. Невозможно признание личных неимущественных прав и привязка срока правовой охраны к личности автора. Однако стоит прописать в законе, что правообладатель произведений машинного творчества имеет право на указание своего имени или наименования на экземплярах или компонентах такого произведения. Этому может способствовать ссылка в статье на главу 70 ГК РФ, так как имущественные права правообладателей таких специфичных по процессу создания объектов авторских прав должны приравниваться к исключительным правам авторов.

Ст. 1344 можно дополнить пунктом о сроке действия исключительного права на произведения роботов, начинающемся со дня его создания и длящимся в течение 25 лет. Срок охраны, отличный от существующего срока охраны прав автора, упростит дальнейшее развитие машинного обучения [1].

Все предложенные поправки могут быть востребованы уже в ближайшем будущем. Но в дальнейшем, когда настанет эра сильного искусственного интеллекта, осознающего себя частью объективной реальности и способного своими деяниями осуществлять права и нести обязанности, придётся признать программы ЭВМ и роботов субъектами права. По словам О. А. Ястребова, такое решение повлечёт изменения не столько в частном праве, сколько в публичном, а именно в административном праве [7].

Комиссия по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники Европейского Парламента отметила, что пока ИИ не обретёт самосознание, правовое регулирование должно сосредоточиться на производителях и операторах умных машин, «поскольку эти нормы права не могут быть преобразованы в машинный код».

В современном мире экономика государств всё больше зависит от новых технологий, явление «цифровая экономика» уже не кажется чем-то фантастическим.

Представляется, что в первую очередь необходимо ввести чёткие критерии квалификации РИД, генерируемых искусственным интеллектом, в качестве объектов интеллектуальной собственности и авторского права. Кроме того, стоит дифференцировать ситуации, в которых субъект будет признаваться правообладателем в отношении определённых результатов деятельности.

1. Артений Л. С. Искусственный интеллект в авторском праве // Вестник науки и образования. 2019. № 7 (61). Ч. 1. С. 76–81.

2. Душкин Р. В. Искусственный интеллект. М.: ДМК Пресс, 2019. 280 с.

3. Макарова М. Авторское право и Интернет // Наука и жизнь. 2017. № 4. С. 34–37.

4. Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд : научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». М.: Буки Веди, 2017. 257 с.

5. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.

6. Шестоперов Д. Что написано софтом // Коммерсант. 2020. Ноябрь, 11. С. 1.

7. Ястребов О. А. Искусственный интеллект в правовом пространстве: концептуальные и теоретические подходы // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ : сб. матер. к XII Ежегодным научным чтениям памяти С. Н. Братуся. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Статут, 2017. 434 с.
8. Breyer S. G. The Uneasy Case for Copyright: a study of copyright in books, photocopies, and computer programs // Harvard Law Review. 1970. № 2. Pp. 281–355.
9. Bridy A. Coding Creativity: Copyright and the Artificially Intelligent Author // Stanford Technology Law Review. № 5. 2012. Pp. 1–28.
10. Japan moves to protect 'copyrights' of AI creations // The Japan Times. 2016. Электронный ресурс. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/05/10/national/japan-moves-protect-copyrights-ai-creations/> (дата обращения: 25.09.2022).
11. Ladbroke v. William Hill ltd [1964] 1 All E.R. 465 HL at 466 and 469; Sorjamaa T. I, Author – Authorship and Copyright in the Age of Artificial Intelligence. Helsinki, 2016. P. 22–24. URL: <https://www.civil.law.cam.ac.uk/virtual-museum/ladbroke-v-william-hill-1964-1-all-er-465> (дата обращения: 25.09.2022).
12. Moriggi A. The role of intellectual property in the intelligence explosion. // 4iP Council Research Award Winner 2017 (Second Place). 13 p.
13. Nevejans N. Université d'Artois, Centre de Recherche en Droit Ethique et Procédures EUROPEAN CIVIL LAW RULES IN ROBOTICS. 2016. 34 p.
14. Olewitz C. A Japanese A.I. program just wrote a short novel, and it almost won a literary prize // Digital Trends. 2016. URL: <https://www.digitaltrends.com/cool-tech/japanese-ai-writes-novel-passes-first-round-national-literary-prize/> (дата обращения: 25.09.2022).
15. Samuelson P. Allocating Ownership Rights in Computer-Generated Works // University of Pittsburgh Law Review. 1185. 1985. Pp. 1185–1228.
16. U. S. Congress, Office of Technology Assessment, Intellectual Property Rights in an Age of Electronics and Information, OTA-CIT-302 (Washington, DC: U. S. Government Printing office, April 1986). 299 p.

Для заметок

Научное издание

**ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС РАБОТ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПО ВОПРОСАМ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

(Сыктывкар, сентябрь–ноябрь 2022 года)

Сборник статей

Ответственный редактор Л. В. Осипова

Редактор *Л. Н. Руденко*

Верстка и компьютерный макет *А. А. Ергакова*

Выпускающий редактор *Л. В. Гудырева*

Подписано в печать 12.12.2022. Дата выхода в свет 23.12.2022.

Усл. п. л. 4,8. Заказ № 111.

Тираж 50 экз. (1-й завод 5 экз.)

Издательский центр СГУ им. Питирима Сорокина

167982. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 23Б

Тел. (8212)390-472, 390-473.

Е-mail: ipo@syktsu.ru

<http://www.syktsu.ru/>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО "Типография "Центральная",
167000, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Интернациональная, 157